Секс без правил

Автор:

[Тальяна Орлова](#)

Секс без правил

Тальяна Орлова

Жутко горячие властные пластилинчикиЛитРес: Secrets

Я считала его маньяком, заикленным на порядке и правилах. Оказалось, что в одной сфере его жизни полный хаос: здесь никаких ограничителей и стереотипов, только омут бесконечных экспериментов и острых эмоций... в который он собрался затащить и меня. А как после такого возвратиться к нормальной жизни? Страсть без правил – наркотик, после которого все «правильное» кажется пресным. При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock

Тальяна Орлова

Секс без правил

Глава 1

Трудовые вакансии делятся на два вида. Первые – куда вас берут с радостью, но со временем узнается, что там и зарплата мизерная, и условия ужасные. А на вторых все прекрасно... вот только вас на них не берут, потому что конкуренция зашкаливает. Я вроде бы всегда это знала, но настала пора убедиться на собственной шкуре.

В летние каникулы перед последним курсом института не захотела лететь к родителям. Все-таки после крупного города в поселке невероятно скучно. Почти все мои приезжие одногруппники находили себе подработки, многие даже учебу с работой умудрялись сочетать. Я на такие жертвы готова не была, но почему бы не испытать себя во время отдыха? И вот тут выяснила, что без диплома могу рассчитывать только на самые низкооплачиваемые должности в сфере услуг. Не сдалась – самой себе хотелось доказать, что уже взрослая и ответственная. Через какой-нибудь год у меня появится диплом, но опыт из воздуха не возьмется. И пусть не по профилю – в конце концов, с работодателем и коллегами надо научиться отношения выстраивать, да и деньги не лишние. Деньги в моем случае вообще лишними не бывали.

Вот только Серёжка возражал:

– Карина, за стойкой в фастфуде ты себе хорошую запись в трудовой книжке не сделаешь, так и зачем напрягаться?

– Хотя бы затем, чтобы аренду квартиры оплатить! Все родителям полегче. И уж точно им будет приятно узнать, что дочь наконец-то встает на ноги.

– А аренду зачем оплачивать? – он вскинул светлую бровь. – Я давно говорил, что пора уже всерьез подумать о свадьбе. И родителей твоих это куда больше порадует, уж поверь.

– Никаких свадеб до окончания института! – смеялась я, уворачиваясь от его объятий.

С Серёжкой мы встречались уже два года. Он старше, учился в том же вузе, там и познакомились. Сразу после выпуска устроился в очень приличную фирму по специальности, и его родители точно могли им гордиться: хороший, умный, спокойный, ответственный – идеальный сын. И мне с ним повезло, что уж там. Мы тогда как-то очень быстро сошлись: пересеклись в коридоре института,

познакомились, и уже через два дня – бац, и встречаемся. Ходим по улицам за руки, всякую ерунду обсуждаем. Отношения наши никого не удивили, мы и внешне прекрасно друг другу подходим, как все вокруг говорят. Голубоглазые светловолосые парни вообще всегда были в моем вкусе – быть может, я потому сразу его внимание и восприняла с легкостью. Ну и сама вроде бы не сильно отставала: отличалась стройной фигуркой, довольно женственными формами и карими глазами. Нет, не королева красоты, конечно, но и цену себе знала. Не зря же Серёжка с первого взгляда на меня внимание обратил.

Он перестал спорить – отмахнулся, раз мне в голову втемяшилось летом поработать. И так было всегда. Мы ни разу не ссорились, не ругались, и такие отношения были прекрасны. Все было известно наперед: когда-нибудь мы поженимся и нарожаем кучу симпатичных детишек. Когда-то давно я впервые задумалась, а любовь ли это? И не могла дать точного ответа, потому что сравнивать было не с чем. Тогда же сомнения и отмела. Только полные дурехи ищут кого-то еще, если рядом уже имеется прекрасный человек. И интимная близость с ним доставляла удовольствие. Ничего потрясающего, конечно, всякие романтические истории про постоянно оргазмирующих девиц очень преувеличены. Секс – это акт взаимной нежности, доверия и, как бы странно ни звучало, уважения к партнеру. У нас с Серёжкой и в этом вопросе получилась полная синхронизация. Во всех аспектах наших взаимоотношений все было правильно.

Я считала себя победительницей лотереи. И вот только жить вместе не хотела, отшучивалась от всех его предложений. Не потому что не была уверена – наоборот, знала на сто процентов, как все будет дальше. Окончу институт, поженимся, обрадуем всю родню и проживем спокойную, счастливую жизнь вместе, без моральных потрясений. И раз все так однозначно, то зачем начинать прямо сейчас? У нас впереди десятилетия, чтобы друг другу надоесть. Потому я и выторговывала себе еще год букетно-конфетных отношений. Все же в нечастых свиданиях больше романтики, чем в совместном быте. Я отчаянно боялась заскучать. И безусловно, никогда не говорила об этом вслух, потому что это чушь и блажь – даже когда звучит только мысленно. Но по той же причине принимала противозачаточные таблетки – никаких нарушений моих планов быть не должно.

Начав встречаться с Серёжкой, я не ослепла и не оглохла – видела привлекательность других мужчин, очаровывалась актерами и минут на десять влюблялась в чью-нибудь харизму. Но никогда не представляла их рядом с

собой, эмоционально отстранялась. Ну, например, директор в офисе Серёжки – только слепая такого бы не заметила. Я видела его однажды, когда ждала своего парня после работы. Шикарный мужчина слегка за тридцать в шикарном костюме шел к шикарной машине. А рядом с ним наишикарнейшая девушка – невероятно высокая и худая. Семенит, бедная, мелко на своих шпилечках, а он даже не оглядывается. Потому что такие не оглядываются на простых смертных, не подают руки или не открывают дверцу авто. Он черноволосый, очень высокий, профиль точеный – таким мужчинам не бизнесом надо заниматься, а в тех самых фильмах сниматься, после которых все женщины ощущают легкую беспредметную влюбленность. Они вкладываются в подобный образ, инвестируют в него. Они проводят часы в тренажерных залах и у стилистов, потому что у таких есть только один любимый человек – он сам. И конечно, подобные вложения дают отдачу, находят своих зрительниц. Я тогда тоже почувствовала десятиминутную влюбленность, потому что не оглохла и не ослепла в собственных серьезных отношениях, но, когда вышел Серёжка, обо всем забыла.

Было это месяца два назад, но что-то все-таки щелкнуло, когда я натолкнулась на упоминание об этом человеке – директоре Серёжкиной фирмы. Мне позвонила Галина, приятельница из институтской группы, и сообщила:

– Ты же работу ищешь, Карин? У меня просто нереальная вакансия! Но я к отцу устроилась на лето, глупо теперь срывать, не поймет.

– Излагай! – обрадовалась я. О ее отце я была наслышана, да о нем все были наслышаны как об успешном бизнесмене. Галина таким родством не кичилась, но и фактов не скрывала.

– Уборщицей, – огорошила она. – Дом убирать, пыль там, полы. Причем зарплата нереальная!

– Э... – я растерялась, – Галь, я все же на другое трудоустройство рассчитывала.

– Ага, рассчитывай дальше. Как раз до осени рассчитывай, – съязвила она. – Я вообще об этом случайно узнала, секретарь Данилина у моего папы интересовалась, есть ли ну очень ответственный человек на примете. У них там всех заскоки на перфекционизме, даже уборщицу ищут идеальную!

- Подожди-ка. Которого Данилина? Александра Дмитриевича?

- Ну да вроде, - она задумалась. - Знаешь его?

- Так это ж шеф моего Серёжки!

- Тем более! - обрадовалась Галя. - Карин, я могу тебе встречу с его секретарем организовать. Решайся быстрее! С самим нанимателем тебе общаться не придется, как я поняла. В смысле, вообще не придется. И я гарантирую, что таких денег ты ни на какой больше подработке не получишь.

- Организовывай, - выдала я неожиданно для самой себя.

Не знаю, что на меня нашло в тот момент. Помнила я этого Данилина, как же. Сыграло ли это роль в моем поспешном решении? Или я уже отчаялась устроиться хоть куда-то? Да и очень было любопытно глянуть - как такие люди живут, в каких условиях, какой диагонали у них плазма на стене, и все такое. А деньги за любой честный труд остаются просто деньгами. Мне же эта работа требуется не на всю жизнь, а до первого сентября максимум.

Вот только Серёжке я о предстоящем собеседовании говорить не стала. Сообщу по факту, если выгорит.

Глава 2

С секретарем я встретилась на следующий день утром. Галина, как и обещала, расписала меня во всех красках, потому Вероника Ивановна была заочно согласна с моим назначением. Она вышла из офиса - та самая чрезвычайно высокая девушка, которую я видела пару месяцев назад, - и засеменила к машине.

- Карина? За мной! Съездим и на месте обсудим ваши задачи.

– С радостью! – улыбнулась я во весь рот.

И это послужило будто сигналом – Веронику Ивановну прорвало. Боже, с какой скоростью она тараторила... Я пожалела, что диктофон не прихватила.

– Карина, вы должны приезжать в дом в любое время с девяти до пяти. Ни в какое другое, слышите меня? Ежедневно, кроме выходных. Александр Дмитриевич любит абсолютную чистоту. Форму одежды можете выбрать любую, это не имеет значения. Зарплата фиксированная – двадцать тысяч за каждую отработанную неделю. Вы или работаете без единой претензии, или уходите. Где реквизиты банковской карты? Карина, что вы на меня так смотрите? Оживайте, оживайте уже! Или Галина преувеличила про вашу расторопность?

Да я за ней попросту не успевала. Она вообще дыхания не переводила, пока мы ехали. Водителю не позавидуешь: если он часто ее катает, то должен уже с ума сходить. Самое смешное, что она говорила о себе во множественном числе:

– Разумеется, такие деньги мы платим за идеальную исполнительность! И ни в каких случаях не торгуемся, все в рамках пунктов договора.

Ну, разумеется. Я вообще от озвученной цифры ошалела. Я даже с дипломом и по специальности столько получать не буду. В голове уже плыли фантазии – это ж я сколько скопить смогу! Если не стану увеличивать расходы, то родителям не придется платить за аренду квартиры полгода. Они и так едва тянули. Вот ведь повезло... Но приходилось отвлекаться на назойливое:

– В пятнадцать ноль-ноль приходит повар. Желательно, чтобы вы ему не мешали. Потому уборку кухни заканчивайте до этого времени. Он у нас целый месяц уже держится, такого еще не случалось, потому если вы станете мешать этому бесценному кадру, то вы с работы и вылетите. Конечно, трудоустройство официальное. Вот трудовой договор. Подписывайте уже, там ничего особенного.

Но я все же вчиталась, чем вызвала ее брезгливое недоумение. Вероника Ивановна даже замолчала. Я читала долго, наслаждаясь тишиной. В принципе, ничего неординарного, никаких обязательств о сдаче органов или подобной жуткой чуши. Мои обязанности прописаны досконально, но и их тоже. Вот только параграф о причинах расторжения договора оказался невероятных

размеров. Чего там только не было! Меня могли уволить даже за то, что я просто попадусь владельцу на глаза, то есть приеду на минуту раньше или уйду на минуту позже! Он, кажется, полный психопат.

Секретарь увидела, над каким пунктом я зависла:

– Да, это очень важно, Карина. Потому я и обозначаю четко время вашей работы. Александр Дмитриевич не выносит чужих людей в собственном доме, потому вы, как и повар, обязаны исчезнуть до его прихода и не появляться в выходные. Собственно, незаметность – лучшее качество услуги.

Мне очень не понравилось последнее слово, но я промолчала. Есть гордость, а есть двадцать тысяч в неделю и облегчение ноши родителей. Жаль, конечно, ведь я подработку не только для этого искала – хотела еще и в коллективе себя попытаться проявить. А тут устраиваюсь в полное безлюдье. Но двадцать тысяч в неделю... да пусть эта стерва называет как угодно, лишь бы ядом не захлебнулась, так как я ее откачивать не собираюсь.

О том, что мы прибываем, я догадалась по изменению звука. Шины теперь шуршали, съехав с асфальта на какое-то другое покрытие. Ни фиги ж себе у них тут масштабы. Мы минут пять ехали от ворот до входа! Хотя сам дом оказался не так велик, как я боялась, исходя из территории. Похоже, хозяину просто гулять нравится, а вот люди – не очень. Вот он и организовал себе и парк, и водоем под боком. Сам же особняк на фоне этой неприличной роскоши показался довольно скромным: всего-то пара этажей. Красивый, конечно, современный. Вся передняя часть застеклена. Но тут стесняться невольных зрителей невозможно – из-за ворот, с огромного расстояния, да за горами, за лесами этих самых окон не разглядеть. Прошли мимо узкого бассейна с ненормально голубой водой. М-да, надеюсь, бассейны чистить в мои обязанности не входит? Что там в договоре было? Но вырвать у бестии бумагу обратно я не смогла, она ее надежно в папочку спрятала и под мышку затолкала. Мне вроде бы дубликат положен, надо дождаться паузы и уточнить. Да какие там паузы:

– Пыль и полы ежедневно, Карина. Раз в неделю вы меняете шторы и постельное белье – даже в гостевых спальнях. Самое главное – никакие вещи не перемещать. Вытираете и ставите точно на то место, где они находились.

– Да, это я прочитала. Вероника Ивановна...

– Подождите, договорю. Лучше пять раз сказать, чем ни разу не быть услышанной. Поливаете цветы точно по графику, в вашем договоре он расписан. Моете окна раз в две недели. Моющие средства используете только наши, никакой экономии или своего. Это ясно? Ясно, спрашиваю?

– Я... ясно, – я уже чувствовала себя трактором раздавленной.

– Превосходно! Как мне кажется, ничего особенно сложного. Да, Александр Дмитриевич придирчив, но здесь просто рай...

– Да что вы говорите, – не выдержала я.

– Рай! – она все-таки расслышала. – Если, например, с моей должностью сравнивать, так вообще полное ничегонеделание. Итак, продолжаем. Стирка...

Я заперевживала, что у меня голова лопнет. В принципе, за такую зарплату они могли требовать точного исполнения. Ну а закидоны у всех бывают. А я ведь еще по его виду сразу поняла, что у настолько шикарного мужчины закидонов выше крыши.

– Вероника Ивановна, – я все же поймала паузу, когда она переводила дыхание. – В договоре же все это прописано. Выдайте мне дубликат – наизусть заучу, честное слово!

– О! – она вдруг остановилась и вскинула брови. – Мне нравится ваше рвение.

Не знаю, комплимент это был или издевательство, но выдавила:

– Спасибо.

И она в кои-то веки улыбнулась и заговорила чуть тише:

– Карина, я очень надеюсь на продуктивное сотрудничество. Мягко говоря, я вообще не вижу ничего невыполнимого. Ума не приложу, почему многих приходится увольнять. Ну вот что сложного – явиться вовремя? В чем проблема – редкое растение правильно полить, точно вымерив дозировку? Ведь и мензурки, и часы в помощь!

– Действительно, – согласилась я, до сих пор не понимая, издевается ли она.

Изнутри дом потрясал своим... нет, не комфортом. Как-то даже сложно сразу сформулировать. Дизайном, что ли? Все выдержано в одном стиле, все цвета подобраны, ни одной вещи не попало на глаза, которая придавала бы помещению... жизненности. Это был не дом, а фото с дизайнерских сайтов, как рекламный плакат. Очень красиво, залюбуешься, но живые люди в таких условиях не живут. Они в них не выживают. Любая деталь что-то изменила бы, например небрежно брошенный на полку блокнот или лампа с вязанным абажуром. Я не специалист, конечно, но мне очень не хватало здесь абажура или блокнота, любой небрежности. Хоть какого-то дисбаланса, намекающего на то, что тут живет человек. Вот, я поняла главную несостыковку – дом оказался настолько идеальным, что не выглядел домом в самом теплом значении этого слова. Конечно, вслух я ничего не сказала.

А Вероника Ивановна все не унималась:

– Выходите с завтрашнего дня. Карина, по любым проблемам и вопросам вы звоните мне. Никогда и ни при каких обстоятельствах не связывайтесь с Александром Дмитриевичем. Ну и про материальную ответственность не забывайте. Нет, не надо хмуриться, я это в общем контексте сказала. Уверена, что Галина Васнецова не порекомендовала бы нам человека, способного на воровство или что-то подобное.

Про материальную ответственность я видела в договоре, этот пункт немного напрягал. Но ведь он был логичным. Разобью, к примеру, эту шикарную стеклинку во всю стену – с меня и спросят по ее стоимости. Но безрукостью я не страдала, вряд ли начну тут что-то ломать и крушить. Да и конечно, к воровству не склонна. А вот все же немного напрягалась, потому и осмелилась уточнить:

– Вероника Ивановна, а если что-то пропадет, то меня обвините?

– Конечно! Если вы возьмете. И не обвиним, если не вы, – она оценила мои скептически прищуренные глаза и объяснила: – На входе камера видеонаблюдения, Карина. И такие же на двух пожарных выходах. Все окна на сигнализации. Уж поверьте, что у нас нет никакой нужды обвинять в воровстве того, кто не крал. А у Александра Дмитриевича пунктик на любом порядке. Если уж кто его обворует, то он точно все силы положит на то, чтобы найти

настоящего виновника и всю душу из него вытрясти, – она вдруг сильно сбавила тон и наклонилась ко мне, словно тут еще кто-то присутствовал: – Это его главный и самый важный пунктик – стремление к безупречному порядку во всем. За это кто-то считает его маньяком, но именно по той же причине вам не стоит опасаться ложных обвинений.

Я судорожно выдохнула. Уф. Мне вдруг стало жаль эту женщину. Ей вроде бы не больше тридцати, очень красивая брюнетка. Но такой ненормальной она не просто так стала, а от работы с настоящим маньяком. И она искренне недоумевает, как люди не могут запомнить каких-то пару сотен правил. Ей явно приходится учитывать намного, намного больше. Ха, а я еще Серёжку слишком правильным считала. Тут такие экземпляры, на правилах помешанные, что хоть в зоопарк их или на выставку.

Она тщательно переписала мои паспортные данные, адрес, номер телефона и зачем-то еще номера телефонов моих родителей. Объяснила, что на случай, если я потеряюсь вместе со всеми ценными вещами. Только в контексте договора, ничего личного! А потом выгнала восвояси. Проходя мимо ворот, я помахала охраннику в будке – тот никак не отреагировал. Похоже, маньяк на работу принимает только таких же маньяков.

Страшно мне было недолго. В конце концов, в договоре предусмотрена возможность мгновенного увольнения – в этом случае я не получу оплату только за текущую неделю. А если за три дня об уходе предупрежу, то и ее выдадут. Договор не выглядел кабальным, все пункты подробно прописаны: хочешь – выполняй, не хочешь – ищи другое место. Намного выше вероятность, что уволят меня. Я была уверена, что за такие деньги очень даже хочу хотя бы попытаться.

Глава 3

И все равно на следующий день очень волновалась. Приехала в одну минуту десятого – хотелось иметь в запасе побольше времени. Но вся уборка заняла не больше трех часов. И это при том, что я постоянно в договор заглядывала и

сверялась. Не настолько уж много обязанностей, чтобы не справиться. В четверг, когда еще стирку устраивать, выйдет чуть побольше – часа на два максимум. Ну и что так не работать?

На второй день дышалось легче. Веронике Ивановне позвонила только один раз:

– Здесь рубашка на кровати. Ее в шкаф или в стирку?

– В стирку, Карина, которая будет... – она замолчала, как учитель, дающий паузу для ответа ученику.

И я оправдала ее ожидания:

– В четверг!

– Вы меня очень радуете, честное слово. В пятницу погладите, если не успеете в четверг.

– Спасибо. Извините, что побеспокоила.

– Что вы! Звоните в таких случаях. Это намного лучше, чем что-то сделать не так!

А потом я и четверг преспокойно пережила. И цветы поливала, как прописано, – вымеряя дозировку мензуркой. Тоже себя маньячкой почувствовала, но оттого только весело стало. И в четверг же познакомилась с поваром, задержавшись. У них тут целая прачечная предусмотрена – стирай, гладь, откладывай на потом, если прижмет, никто и не заметит.

Повар оказался довольно молодым парнем, лет на пять старше меня. Как раз выставлял кастрюли, когда я поднялась по лестнице из подвального помещения, где располагалась прачечная, гараж и какой-то запертый склад.

Парень сильно вздрогнул. Я вскинула руки, как делают в фильмах космонавты при знакомстве с инопланетными цивилизациями, и широко улыбнулась:

– Привет, я Карина. Уборщицей устроилась!

– А, привет, – он как будто был не очень рад. – Значит, Маргариту уже уволили. Так и думал.

– До меня работала? – я радовалась хоть какому-то живому существу. – Интересно, за что ее уволили. Как тебя зовут?

– Тимур, – ответил он. – И не усаживайся здесь, не мешай. У них тут такие порядки, что хоть мелочь перепутаешь – вышвырнут. А у меня мать болеет. Уходи, если закончила.

Я опешила и отступила, бормоча:

– Хорошо, не буду мешать.

Задавать вопросы я не осмелилась. Не слишком красивый парень, очень худощавый, в очках, однако портило его в большей степени хмурое выражение лица. Надо же, до чего человека довели – он даже на минуту отвлечься боится! И ситуация у него, похоже, безвыходная – вот и старается так, что уже целый месяц продержался. Ну а мне что? Из себя человека выводить, потому что сама по человеческому общению соскучилась? Да лучше домой полечу или к Серёжке.

Серёжке моя должность совсем не понравилась. Но отговаривать не стал – заявил, что сама от такого самодура скоро улечу. Я же была главным аргументом: за четырехчасовую занятость в день такие деньжищи. А потом и рассказывала про все их закидоны, про двенадцать совершенно одинаковых рубашек в гардеробе, про отдельные выдвижные ящики – с часами и запонками, про зашуганных повара и робокопа в охранной будке. Серёжка хохотал и язвил, что «красиво жить не запретишь, но лучше уж вообще не жить, чем так». И через несколько дней тоже привык. Вот только я ему так и не сказала, что устроилась к его же директору. Даже не знаю почему. Потому что тот презентабелен, как черт-те кто? Или потому что решила, что Серёжке это будет неприятно? Или не хотела обсуждать нашего нанимателя с разных сторон – как офисного руководителя и как незримого жильца в доме, где пыль вытираю? Понятия не имею, просто не сказала. Да и какая разница, если я с начальником по условиям договора видеться не должна? Можно сказать, что я на Веронику Ивановну работаю, и то правдивее выйдет.

А может, правда, что эта работа только для ответственных? Или я, сама того не заметив, превратилась в Веронику Ивановну? Потому что через несколько дней ощущала себя в своей тарелке. Иногда обязанностей было больше, иногда меньше, но ровным счетом ничего невыполнимого. Зарплата же не просто грела душу, она добавляла мне сил на любые свершения. Теперь я уже убиралась шустро, под музыку в наушниках, рубашки гладила влет, не беспокоясь, что сожгу дорогущую ткань, – у меня только в первый раз руки дрожали. Но любой опыт появляется в процессе, он и появлялся, вместе с уверенностью. Вазы протирала, все еще немного нервничая, – они, наверное, миллионы стоят. Но в остальном – полный порядок. Я была счастлива. А Вероника Ивановна была счастлива втройне. Спустя неделю она уже меня хвалила, забыв о первоначальной холодности. С Тимуром в редкие встречи я только здоровалась, он отвечал вежливо, но не отвлекался от работы, а я не донимала. Охранник в будке начал тоже отвечать на приветствия и иногда даже улыбаться – вот, все очеловечиваются до нужной кондиции!

А в пятницу случилась катастрофа. Не у меня – у Тимура. Я попрощалась с ним, сделала несколько шагов, но потом сдала назад. Точно, что-то не так. Повар стоял, замерев над столешницей. А я его до сих пор никогда без движения не видела.

Осторожно подошла. Перед ним на подносе лежал кекс.

– Что случилось? – не удержалась я.

– Сжег, – выдохнул он, не поднимая взгляда. – Таймер неправильно выставил, наверное.

Я пригляделась – действительно, с одной стороны обугленная корка. Но парень выглядел так, словно человека случайно убил и теперь пытается этот факт осмыслить.

– А если обрезать? – посоветовала я.

– Нельзя. Уволят. Хотя меня теперь в любом случае уволят.

Он был раздавлен. Я вспомнила о его матери – не зря же именно с этого он наше знакомство начал. Да, проблема. Но не до такой же степени, чтобы убиваться?

- Так, Тимур, очнись! - я повысила голос. - Еще есть время!

- Сорок минут, - он отозвался едва слышно.

- И? - я не понимала. - Заводи тесто! Есть продукты?

- Есть, но не успею.

Я уже летала по кухне и открывала все окна, чтобы запах подгоревшего выветрился. Кекс закинула в пакет, с собой заберу, раз всяким там такое не по вкусу. Со всего размаха стукнула парня по плечу:

- Алё! Тесто заводи! Говори, какие продукты нужны, - буду подавать.

Он вроде бы очнулся и глянул на меня, но как-то пьяно:

- Карина... кекс печется пятьдесят минут.

- И что? В духовку на таймер. Начальничек наш сразу с десерта начинает? Нет, конечно. Все получится вовремя, если ты разморозишься. И не уволят тебя за то, что сам не вытащил - поди, не безрукий, справится! Или вообще записку оставим - мол, специально так подгадал, чтобы кекс был горячим к его приходу. Обрадуется шеф наш такому сервису, не сомневайся!

Глаза у Тимура заблестели. Он же не плакать тут надумал? Но все же начал двигаться - лучше попытаться исправить ситуацию, а вдруг все получится?

Действовал он так профессионально, что у меня дыхание перехватило, - быстро, четко, по одному движению на каждое необходимое действие. Я же моментально мыла за ним чашки, чтобы он на это время не тратил.

- Ты в кулинарном учишься? - я щебетала, чтобы нарушить напряженную тишину.

- Окончил уже. Хотел шеф-поваром в ресторан, но без опыта не берут.

- О, знакомая ситуация!

- Нож, - он протянул руку назад.

Я быстро вложила, рукояткой в ладонь. Как хирургу во время операции, красота! И видела, что он тоже улыбается - оказалось, что парень очень симпатичный, невероятно обаятельный, когда перестает хмуриться.

- А с мамой серьезно?

- Да... В смысле, операция прошла успешно, сейчас химиотерапию проходит. Прогнозы оптимистичные, сиделка за ней хорошо присматривает.

- Все отлично будет. Особенно с такой поддержкой, как ты!

- Думаю, да. Просто на работу она уже не вернется, да и на нормальное питание для нее расходы возросли. Вот мне и приходится...

- И получается! - подбодрила я. - А если отсюда уволят, то в любом случае в ресторан уже примут. После такой школы жизни ты на любой работе будешь нарасхват!

Он теперь и смеяться нервно мог:

- У тебя язык как помело. Сколько там времени?

Я глянула на часы:

- Нам пора смываться.

- Все, уже заливаю в форму. Ты с посудой закончила?

- Конечно!

Мы вышли из дома вместе. Спешили, поскольку установленное время минуту назад истекло. Но Тимур выглядел нормально и зачем-то меня благодарил, уже

по десятому кругу. Как будто я что-то сделала! Да я в этих кексах ничего не смыслю, а с такой скоростью нарезать сухофрукты вообще не способна, даже не представляла, что так можно. И только перед будкой опомнилась:

- Елки! Я пакет-то взяла, а сумку свою оставила!

- Где? - в его глазах снова промелькнула паника.

- На кухне. Сбегаю и заберу. Ты иди, Тимур, не жди меня.

- Попадешься - уволят, - выдохнул он, снова бледнея.

- А как тут попасться? Даже если приедет наш начальник, то я в этих дремучих лесах затеряюсь.

- С тобой пойти? - он явно не был уверен.

- Нет. Тебе эта работа все же больше нужна, - я подмигнула, всунула ему пакет с кексом, сейчас стало не до того, и рванула обратно.

Быстро нашла и схватила сумочку, но в окне увидела подъезжающий автомобиль. Закон подлости, честное слово. Они-с, видать-с, и с работы в точное время приезжают. Никакие пробки им не помеха, лишь бы все шло по идеальным правилам. Пригнулась и бросилась в прихожую. Сзади были еще выходы, но, конечно, запертые. А мне никто от них ключи не удосужился выдать. Бездумно метнулась вверх по лестнице. Пока спрячусь, а потом тихонько выберусь из дома, когда он в душ уйдет, например. Делов-то! В самом худшем случае уволят. У меня не ситуация Тимура, будет очень жаль, но переживу.

Решения принимать было некогда, но я все же успела сообразить. Насколько поняла, шеф каждый день берет из гардероба новую рубашку, а ношеную бросает в стирку. Следовательно, именно в свежих рубашках ему сейчас делать нечего. Разместилась под ними и дверцу за собой аккуратно прикрыла. Но и на этом не успокоилась, тихо вытащила из сумочки телефон и выключила - еще не хватало на чьем-нибудь звонке проколоться.

Выдохнула. Здесь столько места, что и до утра можно просидеть. А потом как выскочу, как выпрыгну – типа на работу снова пришла. А, нет, завтра же суббота! Придется до понедельника сидеть, если их величество мыться не соизволят.

Почему-то было смешно. Вероятно, сильного страха не было, потому что я за это место не так уж и держалась. Если уж выбирать, кого увольнять, то я бы подставилась за Тимура – ведь сегодня парень научился улыбаться, да и человек хороший, таких сразу видно. А я здесь все равно на пару месяцев, и всех денег в мире не заработаешь. Поймают – ну, поорут с полчаса, заслужила, да уволят – большего наказания в договоре за попадание шефу на глаза в неурочные часы не предусмотрено. И побегу домой Серёжку радовать и вместе хохотать, как именно все вышло.

Но оказалось, что я очень сильно недооценила свою невезучесть в тот день.

Глава 4

Голоса раздавались снизу приглушенно, слов я не слышала, но там определенно присутствовала женщина. У нашего маньяка невеста имеется? Усмехнулась тихо. Нет, здесь точно никакая женщина не живет, зуб даю. Рисковать пробраться в этот момент не стоило – прихожая целиком обзревается от стола. Ну, ничего, вот сейчас поужинают, а потом в душ – желательно вместе, чтобы мне путь отступления освободить. А они как-то не особенно спешили.

Я напряглась намного сильнее, когда они явились в спальню. Вначале решила, что с ним Вероника Ивановна, но мигом поняла, что ошиблась – голос другой совсем, грудной. И... и еще один, тоже женский. А потом мужской – сухой, четкий. У этого человека, наверное, и не могло быть другого голоса. Они там втроем...

Я прокляла все на свете. Моя зарплата теперь казалась ерундовой – я на психолога больше потрачу. Зажимала руками уши, но все равно все слышала. И

так отчетливо, как будто собственными глазами смотрела. Краснела, синела – и теперь ничего не могла поделать. Выходить надо было раньше. Заявить, что задержалась, получить свое увольнение и вернуться домой. Без таких впечатлений.

Аттракционы продолжались не меньше двух часов. Время тянулось просто бесконечно медленно. Я уже выть была готова от безысходности, и запоздалый страх накатил – вот если меня сейчас поймают, то всё. Он просто убьет меня за то, что была свидетельницей. Я бы убила, если бы кто-то, кого не звали, присутствовал на подобном шоу в качестве тайного зрителя. Но ведь я никому не расскажу! Да я слов подходящих не знаю, чтобы все это описать! Даже Серёжке. Тем более – Серёжке.

Сама не могла поверить, когда все закончилось. Александр Дмитриевич с одной девушкой удалился в ванную комнату – я слышала их приглушенные голоса и звуки воды. Еще одна оставалась в спальне. Но мне уже было плевать. Лишь бы отсюда ноги унести.

Выскочила из укрытия, но выдохнула – обнаженная девушка спала на кровати. Надо же, как ее уработали, вообще силенок не осталось. Но это неудивительно, я ведь все слышала. Осторожно прокралась мимо и понеслась что есть мочи по лестнице. Остановилась только через километр после злополучных ворот. Оглянулась, словно боялась преследования.

Мне теперь помощь специалистов понадобится, честное слово. Я далеко не девственница и не монашка, сплю с Серёжкой уже давно. Но такое... Обняла себя руками, чтобы дрожь унять. Меня буквально трясло от перенапряжения. Он их заставлял. Обеих. Он их бил – уж не знаю чем, но я слышала хлесткие удары и вскрики. Он ни разу не повысил голоса, но в его тоне звучали четкие, жесткие приказы. И девушки это выполняли, как будто были его рабынями. Знаю, что некоторым людям нравятся подобные игры. Но происходящее не было похоже на игру, наслаждение не может быть связано с теми криками. У меня до сих пор в ушах звенело: «Соси, я сказал. Кто-то плохо старается?» – и очередной хлесткий удар. И не звучало никаких стоп-слов, а они вроде бы обязательны в таких мероприятиях. Нет, это не было изнасилованием – я слышала и стоны. А потом он запретил стонать, и стоны стихли. И в конце одна звонко смеялась вместе с ним в душе. Интересно, ей понравилось, как он ее бил, как сучкой называл, как заставлял следовать своим приказам или как разрешал милостиво: «Можешь кончить»? В голове не укладывается.

Я не слишком ошибалась, называя его маньяком. Вообще не ошибалась. Мой начальник любит очень жесткий секс. Интересно, если бы я попалась, то что сделал бы человек такого типажа? Почему-то понятно, что не уволил бы с улыбкой. У меня фантазии не хватало, чтобы представить, что конкретно он бы сделал. Сумасшедший извращенец. Я возблагодарила Веронику Ивановну за то, что она по сто раз повторяла про главное правило – не встречаться с начальством. Теперь-то понятно: это она не нас от начальника прятала, а его от нас.

Включила телефон и тут же увидела пропущенные вызовы. Набрала.

– Ты куда потерялась? – возмущался Серёжка. – Мы же в кино сегодня хотели выбраться!

– Извини, на работе задержалась.

– Все в порядке?

– Да, – соврала я. – Сегодня уже никуда не пойду, устала.

– Точно в порядке?

– Да.

Он, наверное, что-то в моем тоне расслышал, потому что начал уточнять:

– Карин, тебя уволили?

– Нет, конечно. Все отлично. Зарплата на карточку уже упала за эту неделю, сердце не нарадуется.

– А, ну ладно тогда. Созвонимся. Люблю.

Я не ответила. Хотя бы потому, что никогда ему так же не отвечала. Интересно, а если я в понедельник уволюсь, то Серёжка поймет, что я что-то скрываю?

Но за два выходных успокоилась. Просто поняла, что сама виновата. Меня предупреждали, много раз повторяли про время нахождения в доме. Нарушила правила – получила. Кто виноват? Но ведь и не попалась, только моральным потрясением отделалась. Вспомнила о камере на выходе, содрогнулась поначалу, но отпустило быстро – да никто не станет проверять все записи, если ничего не пропало! Съемка нужна только для экстренных случаев. Я убедила себя в этом, чем обеспечила возможность уснуть.

В понедельник снова волновалась, как в первый день работы. И ничего не произошло. Все как обычно – вот только Тимур улыбается во все тридцать два и рукой машет каждый раз, когда мимо пробегаю. Мы с ним тут немного заложники ситуации, ну так и что? А чем занимается шеф после нашего ухода – не мое дело. Извращенец, конечно, но кто с ним встречаться будет, если нам в договоре русским по белому написано – ни-ни?

Глава 5

Гром разразился тогда, когда я почти стерла из памяти неприятное происшествие. Через неделю я уже вновь скакала по дому с тряпкой и пританцовывая под музыку в плеере.

– Ай лайк ту мув ит, мув ит, – подпевала как могла и делала притом резкие движения бедрами.

Тимура пока нет, но если он такое увидит – ухочется до колик. А парню полезно лишний раз посмеяться. Однажды свидетельницей моих танцев и песен на ломаном английском стала Вероника Ивановна, которая приехала посмотреть посреди дня, все ли в порядке. Но идеальная секретарь только бровь вскинула, не позволила себе улыбнуться, зато провела пальцем по полке и убедилась в отсутствии пыли. Кивнула, похвалила и сказала продолжать. Ей всерьез было все равно, что тут происходит, лишь бы результат оставался безупречным. То есть зрителей я не опасалась и ни в чем себе не отказывала.

Но, конечно, не всякого человека я могла здесь увидеть. Развернулась под музыку, перекинула тряпку из одной руки в другую, замерла и завизжала от неожиданности – в кресле сидел он. Смотрел на меня пристально. День на дворе! Его попросту не могло здесь оказаться! Крик вырвался и застрял в воздухе – писклявый, неприятный, а я вся напряглась от ужаса. Никаких правил я не нарушила, почти все закончила, так что для истерики не было ни единого повода. Попыталась собраться и поздороваться, но он меня опередил:

– Итак, ты Карина.

– Д-да, – я заикнулась, нервничая. – Здравствуйте, Александр...

Он перебил:

– Итак, ты та самая Карина, которая любит подглядывать. Понравилось?

И все слова вылетели из головы. Я определенно уловила, что он имеет в виду. Побледнела, уставилась в пол, соображая, что нужно в таком случае сказать. Странное дело, но как раз к таким случаям я готова не была.

– Я спросил, тебе понравилось?

Забубнила под нос, саму себя притом не очень слышала:

– Нет... Я не специально! Я... сумочку... Не хотела мешать... Вообще не собиралась...

– Ты с кем сейчас разговариваешь? Я вроде бы вопрос задал. На меня посмотри.

Я подняла взгляд и вздрогнула. Он улыбался. Этого я точно не ожидала. У него глаза очень темные, черные почти. Демон во плоти, но улыбка к этому образу не клеилась. И тон как будто другим стал – мягче:

– Карина, отложи тряпку и сядь. Что ты позеленела вся? Я просто спрашиваю.

Медленно развернулась, еще медленнее заняла кресло напротив. Руки дрожали. Но я все же не забитая скромница, просто его неожиданное появление меня из

колеи вышибло. Использовала эти секунды на то, чтобы собраться с мыслями. Села, выпрямила спину, подняла подбородок. Правда, в глаза ему смотреть не могла, потому говорила в сторону и делала все возможное, чтобы голос не сильно дрожал:

– Александр Дмитриевич, я должна принести извинения за тот раз. И конечно, вину признаю – правила я знала. Но тогда все так получилось... я не планировала! Понятно, что я нарушила договор, но признаваться – вышло бы еще более бестактно. Потому я промолчала.

– Что за манера – отвечать на какие-то собственные вопросы, а не те, которые тебе задают? – он едва уловимо прищурился, но улыбка не пропала. – Я спрашивал только одно: тебе понравилось подглядывать?

– Что? – я никак не могла уловить смысла.

– Я знал, что ты в доме. Но тогда решил не мешать.

– Что?! – теперь я снова вскочила.

– Сядь. Мы разговариваем, – сухо отрезал он, и я снова рухнула в кресло.

Теперь у меня голос задрожал еще сильнее:

– Как это – знали? Целую неделю знали?! И тогда...

– И тогда, и целую неделю. Когда въезжал, Никита сообщил, что ты зачем-то вернулась в дом. Я тебя не видел, потом выяснил, что ты вышла только через три часа.

Никита – это, видимо, тот самый охранник, которого я улыбаться и здороваться научила! И он так бессердечно меня сдал? Сразу же?! Робокон хренов!

– Но... почему вы тогда не уволили меня? Неделя прошла! – я не могла поверить.

– Тогда было не до тебя, потом не было времени. Сегодня решил с тобой поговорить. Но ты намерена говорить о чем угодно, но только не о том, что я

спрашиваю.

У меня в голове не укладывалось. То есть в тот самый вечер, когда он с двумя этими девушками... Он уже тогда понимал, что я где-то в доме?! И вообще никак на этот факт не отреагировал? Уму непостижимо! И вопрос его – мерзкий какой-то, с подтекстом. Поняв, что это мой последний рабочий день, попыталась успокоиться. В конце концов, я всегда знала, что здесь ненадолго – уйду месяцем раньше, месяцем позже. Именно последняя мысль помогла мне вновь начать дышать. И говорила я теперь быстро, мечтая просто закрыть тему и отправиться восвояси:

– Александр Дмитриевич, мне кажется, вы неверно меня поняли. Ничего мне тогда не понравилось, ничего специально не планировалось, и в другой раз я бы точно поступила иначе. Я испугалась, что уволите, не успела сообразить. Конечно, я должна была сразу выйти к вам, но в тот момент просто некогда было подумать. Я спряталась, а убежала, когда смогла.

– Где?

– Что где?

– Где спряталась?

– А... – он снова сбил меня с толку. – Это имеет значение?

– Конечно. Мне интересно, как много ты видела.

– Ничего я не видела!

– И поэтому сейчас так краснеешь? – он улыбнулся еще шире. – Карина, хватит делать вид, что я тебя тут избиваю или ору – говори нормально.

Все, я пришла в окончательный ступор. Очевидно, что сам он никакой неловкости от ситуации не испытывает. Да и в тот вечер явно не испытывал. А может, даже извращенное удовольствие получал, представляя, что я вообще все вижу? Но допрос-то этот к чему – наори и уволь, как человек. Любой на его месте уже давно это бы и сделал. Однако Александр Дмитриевич беспощадно добивал:

– Карина, теперь я понял, что ты видела достаточно. Но что за реакция вообще? Ты в монастыре, что ли, росла?

– Что?! – я снова мазнула по его лицу взглядом, попутно отметив, что он выглядит расслабленным и совершенно не раздраженным. Собралась: – Естественно, нет! У меня... муж есть, – преувеличила немного. Казалось, что это дает какие-то гарантии. Но попыталась высказать все нужное: – Александр Дмитриевич, я спровоцировала очень неприятную ситуацию, потому не хотела бы ее обсуждать.

– А что в этой ситуации неприятного? – удивил он.

Э-э-э? То есть ему даже понравилось, что его за таким занятием застукали? Я его уже считала маньяком, потом извращенцем, но мой милейший босс бьет все рекорды. В лексиконе слова заканчиваются для характеристики!

– Я пойду, наверное, – сказала неуверенно. – Договор нарушила, все честно. Ни с кем произошедшее обсуждать не намерена, не волнуйтесь. Хотя и не похоже, чтобы вы на этот счет волновались.

– Не волнуюсь, – его улыбка обескураживала. Честно говоря, я себе этого человека вообще иначе представляла – жестким диктатором в постели и на работе. Но сейчас он явно разыгрывал какую-то другую роль. – Карина, я тебя не увольнял. И на глаза ты мне не попала, нельзя сказать, что ты нарушила договор. Прекрати беспокоиться по пустякам и работай дальше, если тебе это место нужно. У меня просто сегодня появилось свободное время, и захотелось посмотреть на ту, которая смотрела на меня.

Сумасшедший дом. Какое же слово идет после «извращенца»? Надо будет хоть погуглить. Потому что этот термин явно моего начальника исчерпывающе не описывает. Он разговаривает так, будто вообще ничего жуткого не случилось. Просто болтаем – как о погоде нормальные люди болтают. Интересно, кто из нас нормальный? Принимать решения сгоряча я не любила, потому и теперь кивнула:

– Я сейчас закончу, тут на пять минут дел осталось. А потом дома подумаю. Если решу увольняться, то обязательно сразу сообщу об этом Веронике Ивановне.

– Так заканчивай, – разрешил он, но не спускал с меня веселого взгляда.

Я быстро протирала пыль на оставшихся полках и журнальном столике и ощущала себя в немыслимой ситуации. Босс наблюдал за мной, не меняя позы – руки по подлокотникам, ноги вытянуты вперед, расслабленный упор в спинку кресла. Какая же я молодец, что всегда сначала занимаюсь полами, а потом мелочами. И без того руки-ноги дрожат, а перед глазами плывет, но это от волнения. Да и от взгляда. И все равно сильно вздрогнула, когда он снова заговорил тихо:

– То есть БДСМ-игры тебя не возбуждают? Тогда какие предпочтения?

Тряпка упала на пол, я вынуждена была быстро поднять, вот только голова закружилась – не от резкого движения, а от смешка за спиной.

– Не думаю, что вы можете задавать мне подобные вопросы, – ответила не оборачиваясь.

– Почему? Это же просто вопросы, а ты замужняя женщина, а не ребенок. Некоторые так щепетильно относятся к сексу, что даже обсуждать его не в состоянии. Это смешно, честное слово.

– Ничего смешного, – возмутилась я, но не слишком рьяно. – У всех разное воспитание, знаете ли.

– А, точно, воспитание. Второе мое нелюбимое слово после «мораль». Продолжай.

– Нечего продолжать! – я глянула вполборота. – Ваша интимная жизнь меня вообще не касается. Я никаких выводов не делаю и не осуждаю.

– Ага, осуждать – это самое любимое занятие для тех, у кого «мораль» и «воспитание». Продолжай. За что ты могла бы меня осудить, если бы приспичило? Я сторонник таких разнообразных экспериментов, что даже интересно – какие из них кому-то спать спокойно не дают.

– Ни за что! – мне этот разговор окончательно осточертел. Потому бросила тряпку в ведро и повернулась к нему. Он смотрел снизу вверх, но притом все равно выглядел главным. – Все? Я здесь закончила.

Осталось минуты три нахождения в этом доме, только этой мыслью я и держалась. Вылить воду, прополоскать тряпку, убрать в шкаф моющие средства, и все – свобода! Подхватила ведерко и направилась к выходу из гостиной. Александр Дмитриевич встал.

– Я сейчас в офис, могу тебя до дома подкинуть.

– О нет, благодарю, – буркнула я.

– Как хочешь, – он явно продолжал улыбаться. Снова окликнул и дождался, пока остановлюсь. – Карина, люди так часто парятся из-за шелухи, что это вымораживает. Ты здесь работаешь уже сколько? Недели две? Справляешься и получаешь приличные деньги. Но ты уволишься только из-за шелухи, верно? Задам последний вопрос, раз мы больше не встретимся: как люди, тебе подобные, вообще выживают с такой слабостью и неумением расставлять приоритеты?

Я теперь уставилась на него прямо:

– Подождите, вы меня на слабо, что ли, берете?

– Да. Работает?

Я невольно усмехнулась и качнула головой:

– Не знаю. Через пару часов смогу ответить. До свидания, Александр Дмитриевич.

Он не ответил. С Никитой в будке я попрощаться не стала, обойдется!

Стыдно-то как, жуть! Правильный вопрос к себе оформился не сразу, но через несколько часов наступил и его черед: а почему стыдно именно мне, а не какому-нибудь другому человеку? Какова логика распределения стыда между всеми участниками событий? Вот начальничку все нормально. Девицам его, которых он плетью избивал, – нормально. Тимуру, который не знал всех подробностей, но радовался, что не уволен, – вообще прекрасно. Никита свой профессиональный долг сторожевой овчарки исполнил – молодец какой. А стыдно из всех почему-то только мне.

В субботу Серёжка вытащил меня в кафе, чтобы вместе перекусить. Но я никак не могла сосредоточиться на его рассказах – он часто разговаривал о работе, все мне выкладывал. А я слушала, потому что люди встречаются именно для того, чтобы всем друг с другом делиться. Только не в этот раз. Вздрогнула только, когда вникла в суть его восторга:

– Ты бы видела его! Слушай, я с боссом всего три раза до сих пор пересекался, включая собеседование, – сразу понятно было, что мужик грозный, он осечек вообще не прощает. Боятся его из-за этого, ведь мы все живые люди! А живые иногда ошибаются. Не ошибаются только компьютерные программы типа нашей Веронички. Она при нем уже лет десять ишачит, и ни разу не зависла! Короче, вот только таких людей он уважает, но я даже представить не мог, до какой степени!

– О чем ты говоришь? – я прервала его восторженную тираду, поскольку он никак не переходил к продолжению.

Серёжка выглядел изумленно-радостным, уж непонятно почему.

– Карин, мы к этой сделке века месяц готовились, весь офис на ушах стоял. Последнее обсуждение, все, сделка в руках, мелочи только юристы прописывают. А мы по отделам сидим затаив дыхание, результатов ждем. Там только аванс на сто пятьдесят миллионов, представляешь себе масштабы? – я в ответ только качала головой, давая ему возможность продолжать: – И вдруг треск такой. Я из отдела выбежал и собственными глазами вижу: наш Сан

Дмитрич прямо за шкуру тащит этого самого партнера. За шкуру! До дверей! А потом молча проводил – пинком. На глазах у всего офиса, ты только представь!

Я представить не могла. Но рот разинула.

– Это у него нервный срыв какой-то случился? – выдала первое предположение.

– Во-во! Срыв! Мы только под вечер подробности узнали. Оказалось, что мужичок осмелился рукой по нашей Вероничке провести невзначай. Попу красавице огладил. То ли на свидание хотел пригласить, то ли от подписания сделки очень радовался. Та от неожиданности ойкнула, после чего наш Сан Дмитрич встал и попытался своей распечаткой договора любвеобильного самоубийцу накормить. Затем и вышвырнул из офиса. То есть даже секунду не взвешивал: многомиллионная сделка и его верная компьютерная программа. Нет, ты представляешь?

– Представляю, – обескураженно ответила я. – Что он полный псих.

– Псих, это да, – согласился Серёжка. – Но не с точки зрения Веронички или подобных ей. Они, программы эти компьютерные, преданы шефу до гроба не просто так и не только за их огромные зарплаты. Знают, что ему срать на всех остальных, вообще не оглядывается, но за них любого порвет. Это как-то... не знаю, если стану большим начальником, то тоже, наверное, таким. Хотя, конечно, не до таких же переборов, у него конкретно планка падает от любого непорядка.

Я медленно выдохнула. Почему-то не очень хотелось обсуждать Александра Дмитриевича с Серёжкой, такие подробности о нем узнавать. Интересно, как бы отреагировал мой парень, заяви я прямо сейчас, что знаю того же человека с другой стороны? И там он тоже псих. Но псих уже немного иной природы. В обморок бы грохнулся, точно. И восторгаться бы мигом прекратил. Хотя теперь уж точно рассказать не смогу, если прямо все. Новая волна стыда мне самой не нужна.

А еще я понимала, что сама увольняться не хочу, да и не особенно Александра Дмитриевича боюсь после последнего разговора. После той хитрой улыбочки никто киллеров ведь не нанимает? Отчасти и его «слабо» роль сыграло – про

приоритеты. Ну, псих он, и что? Деньги-то платит вовремя. А еще он очень странный – вот прямо ненормально странный. Ладно про постель, но не может же человеку быть совсем по барабану, что о нем другие думают? А может, именно эту черту и надо перенимать для спокойного существования? Еще вернее, во мне включилась непонятная, не осознаваемая до конца состязательность: дескать, такой он из себя крутыш, всех лесом послал и не дергается, а я ведь тоже не самая первая скромняга на планете!

В общем, уже на следующий день я была на рабочем месте. Хотя теперь и радовалась в три раза больше тому самому пункту в договоре, по которому вероятность наших встреч сводится к минимуму.

* * *

Мамочки, до чего же он сексуален! Глянешь мельком, и всё, залипла, потухли все остальные эмоции, осталось только жаркое созерцание. Блеск стали, уверенные жесты, полный контроль над происходящим, дурманящий голову запах. Выдохнуть со стоном, медленно вдохнуть, и пусть весь мир подождет. Как я могла при первой встрече посчитать Тимура несимпатичным?

И я не скупилась на комплименты:

– Тебя девчонки на лоскуты не рвут? Слепые, честное слово! Или ты при них не готовил?

– Некогда мне по девчонкам бегать, Карин, сама знаешь, – он смущался от моих признаний. – Яйца из холодильника подашь?

– Конечно, мой горячий герой! Сейчас ка-ак сбегаю, а потом ка-ак вернусь к этому отборному порно!

– Говоришь так, словно главная зрительница видео для взрослых.

– Нет, конечно! Мне тебя хватает!

– Как тебя твой Серёжка терпит?

– О, он очень спокойный, другой бы уже сбежал, – смеялась я.

И ускакала в заданном направлении, приговаривая на каждом шагу «яички, яички». Теперь он меня от стойки не прогонял. Даже наоборот, радовался, что я, закончив свои дела, дожидаясь его и составляю компанию. А потом мы вместе покидаем особняк и уже за воротами расходимся в разных направлениях. Тимур пару дней назад прямо так и заявил, что я ему помешать не могу. Что в моем присутствии он, наоборот, уверенность в своих силах ощущает. Это он из того раза такие нелепые выводы сделал – перепугался тогда до чертиков, а я его вроде как из заморозки вытащила. Вот Тимур и придумал себе, что при моей подстраховке теперь что угодно способен сделать. Я не переубеждала. Мне нравилось, что работа моя все же включила в себя простое человеческое общение, из-за чего стала выглядеть куда более нормальной, чем изначально предполагалось.

А еще мне нравилось его смущать: гениальный повар был очень зажатым, он часто краснел и вообще не привык, чтобы его нахваливали. Я вроде бы отвязной и слишком откровенной никогда не была, но ради его улыбки могла шутить на какие угодно темы. Сложная у него судьба, я многие подробности теперь знала. Как и то, что для улыбок у него слишком мало поводов: рос без отца, мать заболела раком и вроде бы постепенно приходила в себя, но прежней уже не станет, слишком плохо перенесла химию. А он хоть и выучился на повара, но вынужден был подрабатывать где угодно, только не по специальности. Хотя бы потому, что не мог устроиться на полный рабочий день из-за ухода за больной. Эта работа для него стала спасением. Теперь он и сиделку мог оплатить, и на лекарствах не экономить, но притом и занят был всего-то несколько часов в день. Да и мы с моим Тимуркой в этом доме все рекорды по срокам побили, нам ли не объединяться в дружественный лагерь?

Где, интересно, все свободные умницы и красавицы? Почему такую прелесть до сих пор не заграбастали? Ясно же, что парень, который способен забыть обо всех своих интересах ради родного человека, никогда не бросит жену на сносях или не обзаведется молодой любовницей, если вдруг супруга заболеет. Лучше всякой каменной стены! А, ну понятно. Все умницы-красавицы в это время на другой совсем типаж заглядываются – знаем мы этот типаж. Эти умницы-красавицы любое извращение готовы перенести в нелепой надежде, что мужчина им перезвонит. Но им не перезванивают, а зачем? Сколько еще ждущих вокруг, ко всему готовых. И жениться этот типаж на совсем другой соизволит, временные подстилки он не рассматривает. Вот в этой погоне за идолом

умницы-красавицы и не замечают по-настоящему хороших парней.

Так мы и болтали, когда Тимур неожиданно замер. Я моментально напряглась:

– Опять что-то случилось?

– Кто-то подъехал к дому, – ответил он.

В ужасе глянула на часы и мгновенно успокоилась, наше время еще далеко не вышло. Встала и пошла в прихожую:

– Продолжай, гляну, кто там.

С начальником встречаться не хотелось, конечно, но с ума сходить и биться в припадке по этому поводу было глупо. А может, там вообще Вероника Ивановна, она давно никого из нас не пугает.

Глава 7

Перед застекленной дверью со скрипом тормозов остановился спорткар ядовито-зеленого цвета. И оттуда вышел мужчина – нет, не наш шеф. Удивительно, что на охране его пропустили.

С широченной улыбкой он перемахнул через лестницу, влетел в дом, уставился на меня и заорал радостно:

– Сашка где?! Срочно нужен, прям вопрос жизни и смерти!

– Э... – я спонтанно отступила на шаг. – А вы, собственно, кто?

– Я-то? – он очень приятно улыбался. – Лёха, брат!

Прозвучало одним словом – «Лёха-брат». Или даже «лёхобрат», как-то так. Присмотрелась. Он был моложе босса на пару-тройку лет и чем-то немного похож. Уточнила для полного понимания:

– Алексей... Дмитриевич?

– Ну... иногда и так. Ты как моя мама, чесслово! Сашку мне подай, вопрос жизни и смерти, говорю же!

Он изъяснялся очень громогласно, но не выглядел злым или раздраженным. Каким-то весело-взвинченным. Я собралась:

– Александр Дмитриевич в офисе. Будет не раньше чем через час.

– Не, милая, – он шагнул вперед, осматриваясь или ища доказательства моего вранья. – В офис я не могу, перехватят черти.

– Так позвоните ему! – дала я очевиднейший совет.

Он почесал темные волосы.

– По телефону тупо прозвучит. Хотел врасплох его застать. У Сашки точно найдется номерок на все согласной девицы... А ты здесь кто?

– Уборщица, – призналась я.

– Классно! Поможешь?

Я снова отступила, еще и руки вскинула:

– Я вряд ли на все согласная девица, Алексей Дмитриевич!

– Лёха я! Брат! – гаркнул он. – А, повар же еще есть!

И метнулся на кухню мимо меня. Застыл, разглядывая Тимура, а тот разглядывал его. Лёха-брат очнулся и недовольно покачал головой:

– Не, ты не подходишь. Вообще. Тогда ты! – развернулся ко мне, схватил за локоть и рванул к стойке, вынуждая сесть. – Народ, я сейчас все объясню, а вы слушайте и проникайтесь!

И потянулся к разделочной доске, ловко выхватил огуречный кружочек прямо из-под ножа Тимура. Тот, само собой, закричал:

– А! Что вы?.. – хотел, наверное, ругательством закончить, ведь даже мне такого не позволял. Но прикусил язык, поскольку «Лёха-брат» мог оказаться дальним родственником нашего начальника.

Но я не сдержалась – заступилась за товарища:

– Пожалуйста, прекратите, мы здесь на работе!

– О-о, – тот издевательски вопил. – Это Сашка вас так выдрессировал, что вы всего подряд боитесь? Да не будет он в салате куски огурца пересчитывать, расслабьтесь! Хотя... – он задумался. – Сашка с детства больным придурком был... может, и пересчитает. Ладно, я отвлекся. Сейчас все объясню!

– Жду не дождусь, – выдохнула я нервно.

– Какая грозная уборщица, сил нет! – он подмигнул мне. – Как звать-то тебя?

– Карина, – я была вынуждена ответить и добавила бегло: – А это Тимур.

Он наклонился к стойке и заговорщически зашептал:

– А я Лёха, брат вашего безумного диктатора. Так что попрошу без выканий и отчеств, у нас в семейке вся серьезность к нему ушла, – ну, вот это как раз и без объяснений уже стало понятно. – Короче, я сейчас с невестой в Париже. Уже две недели как там, башни там, поля какие-то – ходим и любимся. Ясно?

– Вообще нет, – ответила честно.

– Несообразительная Карина! – отчитал он. – Тогда с самого начала. Было у моих родителей два сына, которые четко делились на умных и красивых. Один всю семью обеспечивает, потому что рожден для того, чтобы бабки зарабатывать, а другой украшает собой мир. И вот когда до маманьки нашей дошло, что старшего больного перфекциониста она никогда не женит, наехала на меня. Хватит, мол, клубиться и накачиваться коксом, обзаведись девушкой, иначе мы тебе источники финансирования перекроем. А я не очень по девочкам, чаще всего по мальчикам я. Тимурка, не красней! И вообще, не отвлекайся, а то тебя уволят. Какая мне, к псу, невеста? Теперь ясно?

– Более-менее, – я изумленно его разглядывала и с легкостью перешла на ты: – Продолжай.

– Так вот, я и обзавелся. В смысле, начесал с три короба, что влюбился по гроб жизни, в Париж ее повез. А маманька у нас тот еще шпион. Говорит, так пригласи девушку к трубке – хоть по телефону ее голос услышу. А у меня ни девушки, ни Парижа, сами понимаете. Я ей говорю – в ванной моя девушка, не может подойти. Но в ванной, как вы, друзья мои, догадались, совсем даже не девушка. Такой баритон у моей недевушки, что если б я ему трубку передал, то не было бы у меня больше маманьки. Вот я тогда и подумал – у Сашки же девушка точно найдется! Причем быстро и на все согласная. Прилетаю – и точно! Вот она ты!

Я судорожно сглотнула. Боялась задать вопрос – вдруг еще и ответ получу? Но Лёха-брат понял мое состояние и попытался успокоить:

– По телефону с ней потрынди! Ну, что тебе стоит? В Париже мы с тобой, любим друг друга. Да что угодно. Лишь бы ты девушкой звучала!

– А... если я не хочу?

Он нахмурился:

– Это вызов, милая? Тогда я отберу у вас салат и на ваших же глазах его сожру, – он произнес это с явной угрозой.

Тимур ойкнул и нож на пол уронил. Да что же за бедлам такой?

– Хорошо, – процедила сквозь зубы, вмиг оценив ситуацию. – Но чтобы никаких претензий, если скажу что-то не так!

– Да-да-да! – он сразу обрадовался и вынул из кармана сотовый.

Я переглядывалась с таким же очумевшим Тимуром и не представляла, как вообще на подобное реагировать. На его вызов ответили мгновенно:

– Мам, вот Леночка смущается тут... Да понял я, понял! Чего сразу орать-то? Леночка, – это он уже ко мне обратился, – мама у меня жуткий холерик, ты сильно не дергайся от звуковых волн.

И передал мне телефон. Я кашлянула в воздух, закатила глаза к потолку и проблеяла жалобно:

– Здравствуйте!

– Леночка? – кричала трубка. – Ты действительно существуешь?

– Еще как, – я начала улыбаться от абсурдности происходящего. – Мы с Лёшей чудесно проводим время. Летом Елисейские Поля потрясающи! Вы не волнуйтесь, пожалуйста, я буду напоминать ему, чтобы звонил вам почаще. Ну, вы же его знаете... холерик!

– О как, – она будто мгновенно успокоилась, и даже в голосе улыбка слышалась. – Лена, рада с тобой познакомиться, а то мне все казалось, что сын тебя придумал. Вы бы хоть фотографии скинули, я два года в Париже не была!

– Обязательно, обязательно скинем! Я тоже очень рада! А то уже переживать начала, вдруг он ко мне несерьезно относится, раз даже с мамой знакомить не хочет. Ай, не щипайся! – на самом деле Лёша меня и не думал трогать, просто я в роль вошла.

Женщина рассмеялась:

– Тогда не буду отвлекать влюбленных своим занудством. И все же иногда звоните. А когда вернетесь, ждем в гости!

– Конечно!

Отдала мобильник владельцу, тот вскочил на ноги, наклонился и звонко чмокнул меня в щеку.

– Спасительница моя! Простите, друзья, не могу остаться! Теперь мне срочно нужен фотошопер и... какая-нибудь еще на все согласная девушка. Актрису найму для одного ужина! Потом я ее брошу, но надолго всех утихомирю. Сашке тогда о моем визите не говорите, а то он постоянно как черт бесится, что я в его жизнь хаос приношу, – последнее он кричал, уже уносясь за дверь.

Мы с Тимуром хохотали в голос. Надо же, насколько братья разными бывают: человек-порядок и человек-бардак. Но Лёха-брат мне явно пришелся больше по душе – он настолько балбес, что этим и очаровывает. Тимур успел закончить вовремя, несмотря на то что сегодня ему активно мешали.

Глава 8

Следующим вечером ситуация повторилась. Но теперь, когда Тимур замер, я и сама расслышала звук подъезжающей машины.

– Что-то они зачастили, – буркнула и встала, чтобы встретить. Сразу облегченно выдохнула.

В дом влетела Вероника Ивановна – к ее визитам мы давно привыкли. Она часто забегала, чтобы нас проверить, но ни разу не высказала незаслуженной претензии. На этот раз она и поздороваться забыла:

– Карина, вы еще здесь? Не могли бы вы принести из кабинета Александра Дмитриевича красную папку?

Я с жалостью посмотрела на ее высоченные шпильки, как она за весь день с ног не валится?

– Конечно, Вероника Ивановна!

– Спасибо, Карина. На столе должна быть.

Я замерла, когда бросила взгляд через огромную стеклянную стену. Рядом с черной машиной стоял и наш босс, с кем-то по телефону разговаривал. Поднял взгляд, увидел меня и будто бы направился к двери. Я поспешила развернуться и скрыться на втором этаже – меня тут об услуге попросили!

Но не успела. В спину раздалось резкое:

– Стоять!

Методом исключения стало понятно, что начальник именно ко мне обращается: Тимур вон и так стоит, а с Вероникой шеф вряд ли именно в таком тоне разговаривает. Развернулась на лестнице и оторопело наблюдала, как мужчина шагает ко мне и... и протягивает свой телефон.

– Карина, это тебя.

– В смысле? – задала я самый закономерный вопрос.

– Вот и мне интересно, – в черных глазах промелькнул веселый огонек. – Ответь, потом объяснишь.

Я заторможенно взяла мобильник, приложила к уху. Собеседника я узнала мгновенно, не по голосу даже, а по манере радостно орать:

– Каринка, душа моя! Я тут подумал, а на фига мне семейный ужин? Давай ты меня бросишь уже в Париже! Великолепная идея, да? Я потом еще несколько месяцев из-за разрыва страдать начну!

Я видела, как мимо меня прошла Вероника Ивановна на второй этаж, сама решила папку забрать. Я же развернулась и прошла в гостиную – понятно, что все равно разговор слышен, но легче сосредоточиться.

– Великолепная, – согласилась я. – Но я-то здесь при чем?

– Как это? – орал Лёха-брат. – Ты мне свой телефон дай, я тебе на него номерок перекину, ты маманьке позвони. Поплачь там, бабникам и ловеласом меня обзови. Мол, оревуар, мадам, ваш канаилле разбил мне сердце, я так больше не могу, простите! От тебя прозвучит пафоснее и правдоподобнее!

– Нет! – перебила я. – Реализуй гениальный план без меня!

– Карина! – возопил он. – Это еще что за бунт во время боевых действий?! Слышь, ты берега-то не путай, мы с тобой напарники!

От такой наглости я забылась окончательно и выпалила на той же ноте:

– Слышь, Лёха-брат! Я на такое вообще не подписывалась! А если бедная женщина сильно расстроится? И мой номер у нее высветится! И что, я потом еще и утешать ее буду?

– Ну и поутешаешь! Тебе ж все равно делать нечего!

– Ах ты... канаилле! – не удержалась я и побыстрее отключила вызов, чтобы он ничего больше сказать не успел.

Повернулась и мигом потухла под заинтересованным взглядом. Александр Дмитриевич смотрел на меня очень пристально, хотя обращался к другим:

– Тимур, на сегодня ты свободен.

– Но я только начал!

– Свободен, – тихо, с нажимом повторил начальник. – Вероника, отвезешь документы в офис одна.

– Как скажете, – секретарь прижала папку к груди. – А ваши планы на остаток дня?

– Мои планы – выяснить, каким образом нанятая тобой уборщица оказалась действующим лицом моих семейных разборок.

– Понятно, – та и глазам не моргнула. – Тогда до завтра, Александр Дмитриевич. Напоминаю, что совещание в девять тридцать.

Уже через минуту мы остались наедине. Сам этот факт немного устрасал, но до паники доводили прищуренные глаза. Босс наступал на меня, а я спонтанно отходила спиной назад. И объяснить бы все – там же даже объяснять нечего! – но сухие вопросы сбивали с толку:

– Как давно вы знакомы? Почему он звонит на мой номер, чтобы поговорить с тобой?

– Потому что моего у него нет... Подождите! Вы неправильно...

– Как давно?

– Да не знакомы мы! Едва знаем друг друга!

– Ну да. По общению сразу видно – совсем чужие люди. Это Лёшка тебя сюда пристроил на работу? Зачем? Ты ведь не настолько дура, чтобы его наркоту здесь прятать?

– Наркоту?!

– Меня достало разгребать его проблемы. И уж я точно не дам ему возможности принести проблемы в мое жилище.

– Да не так все! – закричала я, хотя он голоса пока не повысил. – Не пугайте, и я все объясню! Да там и объяснять-то толком нечего! Я его вчера впервые увидела! И он попросил... маме вашей позвонить, для алиби!

– Так, а зачем ты пугаешься? Я же просто спрашиваю.

И сделал еще один шаг ко мне. А я, понятное дело, сделала еще один шаг от него. Но тараторила быстро:

– Девушкой я его представилась. По телефону! И это все!

– А. Ну тогда и ничего страшного не произошло. Никита говорил, что брат вчера забегал. Зачем так нервничать, как будто не только что-то жуткое задумала, но и реализовала?

Глава 9

Он снова попытался сократить расстояние, хотя вроде бы и не атаковал агрессивно – руки в карманах, лицо расслабленное. Но я по инерции отступала, и так все хорошо слышно, зачем нам ближе-то стоять? Натолкнулась спиной на высокий столик. И, еще до того, как успела сообразить, обмерла. Сердце ухнуло вниз за секунду до грохота. Я даже не обернулась, дала себе несколько секунд полной фрустрации. Да и по звуку ясно – столик качался, качался, ваза летела, летела да и разбилась.

Александр Дмитриевич склонил голову набок, так и не вынимая рук из карманов, но почему-то улыбнулся. Эта улыбка оказалась пострашнее, чем предыдущий звук.

– Опа, – сказал очень мягко. – Семьсот тысяч.

Сердце так и не собиралось запускаться снова, в ушах зашумело, потому я даже удивилась, что смогла говорить:

– Ничего подобного. Это не моя вина. Если бы вы не спровоцировали, то ничего бы не разбилось.

Его улыбка стала чуть шире:

– Справедливо. Делим вину на всех участников. С тебя триста пятьдесят тысяч. Пункт договора о материальной ответственности.

У меня кровь от мозга вообще отлила. Голова закружилась. Я успевала только обрывки мыслей улавливать – буду работать бесплатно, пока долг не покрою? Или сейчас возмущаться о несправедливости? Или просто молча уйти – пусть в суд подает. И вот уже по решению суда и буду беспокоиться. Или... Ни одна мысль не оформлялась полностью, они просто мельтешили, кружа голову еще сильнее.

Потому я и не сразу расслышала тихий голос:

– Карина, только в обморок не грохнись, прошу. Жаль, что Вероника с Тимуром ушли, так бы на четверых раскидали.

Я уставилась на него – шутит, что ли? С другой стороны, а ему-то почему бы не пошутить? Но я по-прежнему молчала. И теперь, когда он сделал шаг ко мне, уже не отступала – ноги ватные стали, спасибо столику – покачнулся, но устоял, теперь меня немного поддерживал.

– Или мы можем решить вопрос иначе, – как-то слишком легко предложил босс. Если уж начистоту, то злости в его лице или тоне я вообще не улавливала. – Ты выполняешь две мои просьбы, убираешь этот мусор – и больше ничего не должна.

Чувствовала, что пожалею об этом вопросе, но не смогла его не задать:

– Какие просьбы?

– Первая – ты мне подробно рассказываешь обо всех отношениях с моим братом.

– И все? – удивилась я. Какая-то совсем мелочь. – Я почти все уже рассказала! Прискакал, заставил, ускакал. Ну, могу и весь разговор с мамой воспроизвести, если понадобится. И даже письменно всю историю изложить.

Он кивнул.

– Не надо, я понял. И вторая – мы вносим в твой трудовой договор правки. Например, изменяем пункт о материальной ответственности. Ты не будешь должна компенсацию, если речь будет идти о случайной, а не намеренной порче имущества. Сейчас я подумал, что так будет справедливее.

У меня челюсть упала. Вот так – натурально, некрасиво, но неизбежно. Хорошо, что я вопрос уже заранее придумала:

– И все?!

– Нет, конечно. Мы меняем этот пункт и твой график. Выходными станут понедельник и четверг. Теперь все. Можешь выдохнуть.

Происходящее было каким-то сумасшествием. Я тут вазу за семьсот штук разбила, а он... меняет договор в мою пользу? Но постепенно дошло:

– Подождите, то есть я буду работать в выходные?

– Именно, – ответил, а в глазах я видела иронию. – Чем быстрее мы его подпишем, тем меньше времени ты будешь мне должна приличную сумму.

Я закусила губу и отвела взгляд. Жаль, что соображала до сих пор с трудом, но понятным становилось многое. Нет наказания, нет долга, договор меняется в мою пользу. И малюсенькая деталька – он зачем-то хочет, чтобы я приходила в те дни, когда он дома. Зачем?

– И уволиться я могу в любой момент? – уточнила. – Даже в ближайшую субботу, но уже без долга?

– Конечно. Все остальные пункты не меняем.

Хм. Хм-м-м, я бы сказала.

– Идем в кабинет? Там болванка старого осталась, все сделаем сразу, – он направился к лестнице.

Я шла за ним, но соображала теперь немного быстрее:

- Вы ведь понимаете, что я сейчас его подпишу и сразу уволюсь? Но притом вам ровным счетом ничего не буду должна?

Александр Дмитриевич ответил не оборачиваясь:

- Я произвожу впечатление человека, который что-то может не учесть?

- О нет, не производите! Это и напрягает. Думаю, что же не учла тогда я? Вы могли бы обязать меня долгом, но неожиданно сами же предлагаете вариант просто уйти. Сейчас внимательно прочитаю, подпишу и уволюсь. В чем же подвох?

Он открыл дверь кабинета и другой рукой подтолкнул меня внутрь, чтобы прошла первая.

- Подвох в том, что ты не уволишься.

- Почему же? Нет, зарплата здесь отличная, но я не так сильно связана, как Тимур, например. Вы снова о приоритетах?

Александр Дмитриевич на меня не смотрел. Он уже занял кресло перед компьютером и щелкал мышкой в поисках нужного файла. Я остановилась у окна, но внимательно глядела на его профиль, чтобы не пропустить ни одного слова:

- Нет, Карина. Приоритеты важны, но в данном случае роль сыграет любопытство. Тебе интересно, почему я так поступил, - ты не уволишься, пока не ответишь себе на этот вопрос. Если бы я собирался тебя изнасиловать и убить - да боже мой, оглянись вокруг, я бы уже это сделал. Откопал бы и еще раз сделал, если бы только это было целью. Значит, ответ в другом. Тебя сожрет любопытство, почему я так поступаю. И по этой причине сразу ты не уволишься.

- Ого, - я пыталась говорить возмущенно, хотя в какой-то степени он был прав. - Так, может, просто откроете эту тайну?

- Зачем? Прекратить игру до ее начала?

- Игру?

- Я исправил, перевожу на принтер. Возьми и прочитай.

Техника на тумбе зашумела, выводя распечатанные листы. Я подхватила и пробежала глазами по строчкам. Никакого обмана не обнаружила. Он исправил пункт о графике работы и материальной ответственности – теперь на мне повиснет долг только при умышленном причинении вреда. А доказательство умышленности ложится на работодателя. То есть я тут или в истерике на глазах у свидетелей крушить что-то начну, или камеры заснимут, как я с хитрой рожей ножницами простыни полосую, но никакие случайности к финансовым обязательствам меня не приведут. Пожала плечами и подписала. Сказала притом тихо – больше для самой себя:

- До субботы еще есть время подумать. А пока, – я выпрямилась и передала бумаги начальнику, – пойду уберу осколки – и домой.

Он подписал не глядя. Смотрел почему-то на мое лицо.

- Я сегодня без ужина остался. Может, перекусим где-нибудь вместе?

А вот это уже совсем странно. Я уже успокоилась, стала самой собой. Потому шагнула к столу и немного наклонилась – даже взгляд прямой выдержала:

- Нет, благодарю. Александр Дмитриевич, я бы сразу на берегу хотела уточнить пару моментов – исключительно для того, чтобы между нами не возникло недопонимания. Я замужем. А это означает, что я не буду ужинать с другими мужчинами. Я вообще ничего такого двусмысленного с другими мужчинами делать не буду.

- У замужних с аппетитом беда? – он немного приподнял бровь и улыбался лукаво. – Или замужние вообще жить перестают? Еще скажи, что у замужних не бывает любовников – я даже в беду с аппетитом быстрее поверю.

Я опешила от резкой смены темы:

- Любовников? Это вы сейчас о чем?

- А где кольцо? – ответил он вопросом на вопрос.

- Не беру с собой на работу, чтобы не потерять, – я теперь тоже улыбалась язвительно.

- Ясно. Тогда вернемся к теме о любовниках, она интереснее. Что за выражение лица? Кстати, ты разбила сегодня мою любимую вазу.

- Ой, а пункт о шантаже мы можем в договор включить?

- Опять переписывать? Или лучше пойдешь и разбей намеренно еще что-нибудь – и тогда я тебе покажу, что такое шантаж.

- То есть пункта не будет?

- Не будет. Я слишком сильно устаю на работе. Если я еще и отдыхать буду по правилам, то сойду с ума. Ты как насчет отдыхать, Карина?

Я фыркнула, забрала свою копию договора и вышла из кабинета. Надо будет кольцо купить, хоть простенькое. Сейчас доходы позволяют, да и потом пригодится.

Глава 10

Вот черт хитрый! Мне ведь теперь действительно стало любопытно, что такому холеному мужчине от меня понадобится могло. Его намеки я мимо ушей не пропустила, но они звучали шутками – зачем таким-то пижонам на что-то там намекать? Такие щелкают пальцами и собирают урожай. Нет, в данном случае создалось ощущение, что он просто веселился – выбивал меня из колеи и

наслаждался смущением. Скучно ему, на работе вон весь занятой, а тут за разбитую вазу чего бы и не поиздеваться, раз я так эмоционально реагирую? Приколист. Помешанный на чистоте приколист. А так бывает? Помешанный на чистоте приколист-извращенец, по ночам избивающий женщин. С еще более сумасшедшим братцем-геем. Там вся семейка двинутая? Ух, а жить-то как интересно стало! До сих пор я таких людей и не встречала.

Добрела до автобусной остановки, когда в сумке затрещал сотовый. Наверняка Серёжка. Погулять сегодня с ним или снова сослаться на усталость? Не спешила, пытаюсь определиться, но глянув на дисплей, замерла – номер незнакомый.

– Слушаю, – сказала сухо.

– Ка-аринка! – заорала мне в ухо трубка. – Какая встреча! Соскучилась?

Не обращая внимания на людей, я заорала на той же ноте:

– Лёха-брат?! Да откуда у тебя мой номер?!

– Вероника дала, – он сбавил тон.

– Вероника?! – а вот я не собиралась.

– Ага. Я ее без вечного защитника в кои-то веки поймал. Затащил в свою машину и пытал. Щекотал, короче, пока она все пароли и явки мне не выдала, – на заднем плане я расслышала отчетливое от упомянутой Вероники Ивановны «Вот ведь придурок! Выпусти уже меня из машины! Идиотина клиническая!».

Удивилась очень, да и Серёжка бы удивился, что в компьютерную программу на случай форс-мажора и ругательства прописаны. Но Лёха-брат на ее вопли внимания не обращал, продолжая: – Каринка, ты с теми, кто щекотки боится, в разведку не ходи! Они смешные, но ненадежные!

– Спасибо за совет, – буркнула я недовольно и отошла подальше от остановки, а то на меня особо нервные шикать начали. – Вот пусть Вероника Ивановна твоей маме и звонит!

- Спятила? Ее-то маманька как облупленную знает! Потом еще объясняйся, как Вероника в Париже оказалась!

- В данном случае я с Вероникой Ивановной согласна - ты придурок. И отпусти уже бедную женщину, ей и так достается.

- Да не-е! - протянул он недоверчиво. - На самом деле Вероника во мне души не чаёт. Меня вообще все любят, просто ты пока не привыкла.

Я снова взвилась:

- Да я из-за тебя сегодня дорожку вазу разбила!

Его тон изменился, стал сдавленным:

- Что? У Сашки?

- А у кого же?!

- Врешь, - заявил неуверенно. - Иначе я бы до тебя не дозвонился. Трупы же на звонки не отвечают. Или отработывала бы полную стоимость - тоже рот бы был занят. Как раз до конца следующей недели бы и отработывала... Зачем ты мне врешь, Каришечка? Хочешь, чтобы я за тебя переживал?

Нет, все-таки по безумию он немного опережает своего братца. Я закатила глаза к небу, подумала, а потом приняла неожиданное для самой себя решение:

- Слушай, а я позвоню твоей маме, как ты и хотел. Приезжай, заведи меня, домой отвезешь.

- Ты моя же лапонька! - обрадовался прохиндей.

- И будешь отвечать на все мои вопросы! - с угрозой добавила я.

- Да я в любом случае буду отвечать. Я вообще молчать не умею! Давно бы спрашивала, если что-то интересовало!

Хмыкнула и обозначила, где нахожусь. Через двадцать минут ядовито-зеленая тачка с таким же ядовитым водителем подъехала. А он в темных очках и этом пиджачке ничего так, очень впечатляет. Даже на брата стал больше похожим.

– Куда тебя везти? – поинтересовался с улыбкой. – Или сначала где-нибудь перекусим?

– А давай, – странно, но точно такое же предложение уже звучало, но второе я приняла с легкостью, ни секунды не размышляя. Все же этот шалопай не вызывал во мне ни капли страха или напряжения.

В уютном немногочисленном кафе заняли столик и сделали заказ. Официанты выглядели какими-то зажатыми, как будто видели его машину, а теперь недоумевают, что он забыл в их заведении.

Маме я звонила с его же телефона – пусть как хочет, так и понимает. С придыханием, которое можно было бы принять за сдерживаемые рыдания, сказала, все что велено: не могу больше этого ловеласа выносить, бросаю, вот прямо в Париже, хотя мне и очень жаль расстраивать такую прекрасную женщину. Честно говоря, мне ее действительно жаль – два сына, и оба... не совсем вменяемые. После того как отключила вызов, Лёша схватил меня за руку и проникновенно признался:

– Карина, я тебя люблю! И если маманька все же когда-то заставит меня жениться, то я только на тебе и женюсь!

– Опоздал! – я вырвала у него руку. – Я уже замужем.

– Разведешься, – он даже и не думал это осмысливать. – Я же все равно лучше. Ладно, теперь приступай к допросу. Ты ведь только ради этого меня сюда притащила.

Я уделила внимание принесенному салату. Но все же не зря согласилась на встречу с этим балаболом – я не понимала происходящего, а хотела бы понимать хоть что-то.

– Лёш, – начала я неуверенно. – Не мог бы ты рассказать о брате. Не могу в нем разобраться.

Он будто удивился:

– А там-то в чем разбираться? Совершенно ненормальный тип! В семье не без уроды, как гласит народная мудрость.

– В этом-то он придерживается такой же точки зрения, – я усмехнулась. – Только уродом считает другого члена семьи. И все же, давай поподробнее.

Алексей пожал плечами:

– Фирму организовал наш отец, он пережил самый сложный этап ее становления и раскрутки, но ни о каких монополиях или там внешних рынках и думать не мог – вообще не те масштабы. Но моим родителям в некотором смысле повезло: Сашка уродился бизнес-маньяком. Он всегда хорошо учился, всегда был немного неправильным ребенком – да он вообще ребенком не был, если начистоту. Сразу родился с серьезной рожей и в маленьком деловом костюмчике. В общем, после института отец ему фирму с легким сердцем и передал. И Сашка чаяния всей семьи оправдал и будет оправдывать дальше – хотя бы потому, что иначе и не умеет.

– Интересная история, – я вставила в паузе. – Но меня больше его характер интересует.

– Характер – совсем даже не сахар, – Лёша очаровательно улыбался. – Но тут я тебе нового не скажу. Он сам больной, всех вокруг больными делает. Если у Сашки есть цель, то прет тараном, вообще не оглядывается. Думаешь, почему маманька с женитьбой в меня вцепилась? Ей внуков подавай! А на Сашку где залезешь, там и слезешь. Ага, попробовала бы она на него так давить – да хоть кто-нибудь бы попробовал... Он вообще на всю кукушку отшибленный по поводу правил и порядка, но к нему никто не рискует лезть со своими правилами.

– И об этом я догадывалась. Но любопытно – он всегда такой? Всегда только бизнес и ничего другого?

– Ты про релаксацию? Вот уж точно не знаю. Мы с ним настолько разные, что никогда не были особенно близки. Девицы у него водятся и в немалых количествах, парней моих ни разу не уводил. Собственно, мне этого достаточно, чтобы не начинать гражданскую войну за перераспределение сфер влияния.

– То есть он в курсе, что ты по мальчикам? И как отреагировал?

– А никак! Лет пять назад я ошарашил его камингаутом, как раз реакцией интересовался. Он или не расслышал, или сделал вид, что ему вообще по барабану, – в сторону смотрел, странно как-то улыбался своим мыслям. Все мое подготовленное шоу псу под хвост. Или его вообще невозможно пронять вопросами, если они бизнеса не касаются. С нашей маманькой бы так...

Он снова отвлекся на личные переживания, потому я перебила, возвращая тему в правильное русло:

– Лёш, а тебе не приходило в голову, что он только в бизнесе сильно правильный? А отдыхает... по-другому, – я припомнила, как выразился босс, и повторила: – Если бы он вообще никогда не расслаблялся, то сошел бы с ума. Вот и возникает компенсация: чем сдержаннее он днем, тем отвязнее ночью.

Лёха-брат отложил вилку и уставился на меня внимательно:

– Приходило. И пока он никого не убил в процессе расслабона, меня эти вещи не касаются. Каринк, но тебе-то это зачем? Неужели глаз на братца положила? Очень глупо – не могу этого не сказать, потому что ты милая.

– Нет-нет! – я смутилась. – И я замужем, забыл? Просто хочу быть готовой... на любой вариант развития событий. Дело в том, что он мне сегодня какие-то странные вещи предложил – они могут быть и ничего не значащими, а могут быть очень даже двусмысленными. Вот и думаю, что именно из этого.

– А-а... – он немного расслабился, но все равно взгляда от меня не отрывал. – Как уже сказал, мы не настолько близки, чтобы я был в курсе всех бзиков. Но могу спрогнозировать: если Сашке ты понравилась, то жди самой настоящей броневой атаки. Если не понравилась, то он просто повыводит тебя из себя да успокоится. Ведь ты правильно заметила – с ума бы сошел, если бы постоянно держал себя в жестких рамках. Так прости ему пару шуток ниже пояса, если

только это цена вашего взаимодействия. Да особо не беспокойся – о твоём существовании знает его любимая Вероничка. А Вероничку он и пальцем не тронет. А потому не станет тебя расчленять и сжирать отдельными кусками, ведь тогда пришлось бы убирать всех свидетелей, а Вероничку он... ну, ты поняла ход мыслей.

Казалось, Лёха ничего особенно важного не сообщил, но пищи для размышлений стало куда больше. Вот только любопытство от этого никуда не делось, а, наоборот, стало еще сильнее.

В общем, решение выходило одно – выходить в субботу на работу, а там уже смотреть, что к чему. Интересный же экземпляр! И вышибать из колеи умеет, а мне, быть может, давно хотелось побывать вне привычной колеи. Это ощущение похоже на то, как по краю обрыва пройти или к клетке с хищником приблизиться, – вроде бы прямой опасности и нет, но сердце замирает от ужаса или азарта. Вариант этот смущал только тем, что я Серёжке сразу про босса не сообщила. Раньше причины не было – я по договору с тем самым боссом и не встречалась, а теперь все иначе. И как раз теперь уже оповещать поздно. «Серёж, я забыла упомянуть одну маленькую деталь... Да-да, тот самый, которым ты восхищаешься! Серёж, у тебя нет причин для ревности, это всего лишь мое любопытство! Ну и что с того, что он выглядит самым потрясающим мужчиной даже в твоих глазах, а у девушек вообще ни единого шанса нет? Это вообще-вообще ничего не значит, просто совпадение! Серёж, ты куда? Совсем уходишь? Вот ведь».

Глава 11

Так или иначе, но в субботу я приехала. От остановки до особняка шла медленно, не спешила. Время по договору обговорено почти на весь день, никаких иных распоряжений не поступало. Дурой я себя не считала – понимала, что этот день принципиально отличается от какой-нибудь среды или захудалого понедельника. Моя золотоносная шахта превратилась в золотоносную шахту, охраняемую драконом, – и еще неизвестно, спящим или воинственно

настроенным. Вздрогнула, когда в будке охраны разглядела не знакомое лицо Никиты, а какого-то бородатого мужика. Понятное дело, Никита и не мог здесь находиться круглосуточно, вообще в любое время дня и ночи, но новый бородач будто бы только подчеркнул отличие этого визита от всех предыдущих.

– Чего замерла? – охранник улыбался широко, но на фоне бороды любая улыбка выглядит угрожающе. – Карина? Проходи, девочка. Дмитрич на месте. Жарища сегодня, сил нет. Напомни ему, что он мне кондиционер обещал. Никакого толку от вентилятора, а еще июль не наступил! Хотя не надо, сам в конце смены к нему заскочу. Беги, беги, красавица, хорошего тебе денька!

Пробурчала приветствие и миновала пропускной пункт. Что с этим человеком не так? В этом доме все работники должны быть забитыми, запуганными молчунами, из которых каждое слово щипцами нужно вытаскивать! А этот как с луны свалился, нездоровый он какой-то, слишком жизнерадостный, то ли дело Никита или Тимур в первые дни. Может, я домом ошиблась?

Однако длинная дорога меж высоких деревьев по обочине была слишком знакомой. Вообще-то, этим длинным путем я всегда наслаждалась, но сейчас одолевала духота и волнение. Вывернула к дому и замерла. Александр Дмитриевич поливал стриженные прямоугольниками кусты с противоположной от бассейна стороны. Обескуражило вовсе не это, я понимала, что лучший отдых – смена деятельности. Штаны просиживать и неприятных клиентов из офиса выпинывать он и в течение недели может, а тут такое ленивое созерцание и не особенно напряженная нагрузка. Обомлела я по другой причине: он стоял расслабленно, в растянутой футболке и широких штанах. Одна рука в кармане, другой держит шланг. И в этом образе все было неправильным! Таких людей обязательно нужно рядить только в деловые костюмы, которые подчеркнут холодный стиль, запредельные доходы и обозначат пропасть между носителем и простыми смертными. Этот же «антистиль» смотрелся вопиющей несурезицей, мысли путал – типа к такому совсем обыкновенному мужчине просто подойди, улыбнись, и он в ответ улыбнется. Как Лёха-брат или что-то подобное! Такой позовет в кафе – и помчишься преспокойно, наобещает с три короба – и поверишь. Потому что чувство самосохранения отключается при виде растянутой футболки.

– Здравствуйте, – я выдавила, оставшись поодаль.

Александр Дмитриевич глянул на меня и снова вернулся к кустам.

– Привет, – сказал совершенно спокойно. – Я там скатерти вытащил, закинешь их сегодня тоже в стирку?

– Как скажете, Александр Дмитриевич, – пожала плечами, мне не сложно.

Но когда все же сделала еще пару шагов, он снова глянул на меня. Сощурил свои черные глаза и к месту приморозил.

– Карина, а ты разве не переодеваешься перед уборкой? Не жаль одежду портить?

Вообще-то, мысль такая мелькала в самом начале. Все же иногда то мыльной пеной ляпну, то чистящим порошком мазну. Но ничего запредельного, моим простым джинсам и футболкам такие испытания не страшны. Как-то неудобно мне в чужом доме переодеваться, да и носить с собой сменную одежду лень. А он заметил потому, что именно в этом прикиде меня уже видел.

– Почему ты снова молчишь, когда я спрашиваю? – его глаза смеялись. – Это такой хитрый способ привлечь к себе внимание?

– Нет, – я ответил поспешно. – Точнее, да, не переодеваюсь. И одежду не жалко. Я ведь тут не в вечерних платьях щеголяю.

Он теперь не отводил от меня взгляда, а голову склонил набок, словно подчеркивал интерес:

– Если нужно что-нибудь, то я могу выдать из старого. Я просто предлагаю ради твоего удобства, не придумывай никакого подтекста.

– Спасибо, не надо! – прозвучало резче, чем должно было быть. Просто немного раздражало, что прицепился из-за такой ерунды. – Меня все устраивает, все удобно. Я могу приниматься за работу?

– Зачем злишься, Карина? Я же просто предложил. Домой бы в чистом ехала, все приятнее.

– Нет никакой злости! – вот только мой тон заявлению не соответствовал, но это от волнения. – Благодарю за заботу!

Александр Дмитриевич усмехнулся как-то хитро. После чего развернул и направил на меня шланг. Холодная вода ударила прямо в лицо. Кажется, все последние дни я сгорала от любопытства и ожидала чего угодно, но только не такого мальчишества! Футболка мгновенно неприятно прилипла к телу, я вытерла лицо и, задыхаясь от ярости, уставилась на него. В начальника младший братец вселился?!

Сам он закусил нижнюю губу, чтобы не улыбаться слишком откровенно, но затем выдал:

– Извини, пожалуйста. Это случайно вышло. Зато теперь переоденешься, а домой отправишься в свежем и чистом. Упс, я оказался прав. Опять. Со мной часто такое случается.

Это был тот самый редкий момент в моей жизни, когда мне стало плевать. На любопытство, на двадцать тысяч в неделю, на последствия. Он просто издевался – откровенно, нагло. Подчеркивал, что ни во что меня не ставит! Нет, я знала, что он сильнее, но и на это было плевать. Планка, как говорится, рухнула и сделала важным только одно – чтобы этот избалованный чмырь перестал улыбаться. Я бросилась вперед до того, как сама сообразила, что собираюсь делать. Схватила его за плечо и рванула в сторону. Он не упал, но рассмеялся. После этого его уже ничто бы не спасло. Со всего размаха я пихнула его в грудь, и начальник спиной полетел в бассейн, окатывая водой мои джинсы.

Только через секунду кровь застыла в жилах. Я понятия не имела, какая там глубина! А толкнула резко, он мог и голову себе разбить. Но нет, вполне себе целая голова начальника вынырнула. После этого я выдохнула. Он выплюнул воду в сторону и со смехом заявил:

– Намек понял. Ты тоже хотела, чтобы я переоделся.

Круглыми глазами я наблюдала, как он двумя гребками добрался до бортика, подтянулся и поднялся. Зашагал в сторону дома.

– Идем уже, – сказал не оборачиваясь. – Подыщем что-нибудь теперь для обоих.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как хмыкнуть и развести руками. Александр Дмитриевич мокрыми босыми ногами хлюпал по паркету, оставляя следы. И продолжал обескураживать:

- Хорошо, что уборщица на месте. А то бы я в такой грязи до понедельника спятил. Ты где там?

Мы прошли в знакомый гардероб. Александр Дмитриевич перебрал футболки, одну протянул мне. Понятное дело, что она мне была велика. Но я, наверное, основной шок пережила, потому могла соображать:

- А штаны?

- Так... штаны, - он на меня не смотрел, выдвигая следующие ящики.

Достались мне светло-бежевые спортивки на завязках - их хоть на талии перетянуть можно, чтобы не падали. Сам босс начал стягивать с себя мокрую футболку, потому я поспешила уйти. Но вслед раздалось насмешливое:

- Чего боишься? Или ты меня еще не всего разглядела? Развешай все на улице, за пару часов высохнет. И обед через час, не опаздывай.

Я не ответила. Переоделась в прачечной, до сих пор не вполне в себя пришедшая. Выглядела я теперь отпадно - одежда висела, штаны пришлось подворачивать, а футболку вообще можно было использовать как короткое платье. Она то и дело сползала с плеча, однако никаких стратегических мест не открывала. Да и вообще, в таком виде я была олицетворением несексуальности. Зато, протирая пол на первом этаже, вдруг поняла, что больше не волнуюсь. Чудовище оказалось просто чудовищем, а не каким-нибудь маньяком со скрытыми желаниями. Он слишком уж просто на мое действие отреагировал - никакой злости, только смеялся. Не бывает же так, чтобы человек так открыто смеялся, а сам замышлял темные делишки? Психопат бы просто убил меня на месте, вот в этом самом бассейне бы и утопил. И только после этого уволил бы. А этот будто специально подчеркнул отсутствие статуса. Через час вообще расслабилась, поскольку его не видела, а привычное дело успокаивало. Не для того ли было все представление, чтобы я за пережитым шоком все остальные шоки не распознала и не успела подготовиться к более хитрым маневрам?

Глава 12

И все же, когда закончила на втором этаже и переместилась в гостиную, остановилась возле кухни, где застала Александра Дмитриевича. Решила расставить последние точки над «ё»:

– Извините, можно спросить?

Он мыкнул что-то, не отрываясь от газеты. Уверена, это был знак согласия.

– Вы когда про обед сказали, что имели в виду?

Теперь он перевел взгляд на меня и выглядел притом озадаченным:

– А из каких вариантов ответа выбирать?

Я понимала, как это прозвучит, но выбрала быть смелой и ко всему готовой, а не обескураженной и на ветру болтающейся. Потому и озвучила:

– Это вы меня так к обеду присоединиться позвали или чтобы я до обеда успела все закончить и вам не мешать?

Он улыбнулся – точно что-то задумал, если не сразу, то прямо сейчас задумывал:

– И если второе?

– А, – я даже обрадовалась. – С уборкой могу поспешить, но машинка на час двадцать запрограммирована. Тогда вам придется или потерпеть мое присутствие дольше, или самому скатерти из сушилки вынуть.

– Смотри-ка, ты просто загоняешь меня в угол. Тогда выходит, что я тебя приглашаю вместе пообедать, раз ты все мирные варианты исключила.

Я вскинула бровь. Нет, ему больше не удастся меня из себя вывести! Да и не выглядит он угрожающе, особенно после купания в бассейне.

– Сами будете готовить?

– Сам? Нет, к сожалению. Я много чего умею, но далеко не все. Боюсь, кулинария не входит в число моих талантов.

– Разве Тимур в выходные приходит?

– Нет, конечно. Я очень доволен поваром. Но не настолько, чтобы видеть его. Еще вопросы?

На самом деле вопросы вот только начали появляться – я ощущала, что со мной играют, но это не настораживало, а забавляло.

– Тогда, получается, я готовить буду? Ну, раз других кандидатов нет. Или как вы себе это представляете?

– Хорошо, уговорила, готовь ты. Умеешь?

– Умею, – я не отводила прямого взгляда от его лица. – Но это не входит в мои обязанности. Не зря же вы так тщательно договор составляли.

– Не зря, – согласился он. И только в черных глазах крылась какая-то опасность, но он так улыбался, что я невольно улыбалась в ответ. – Тогда что же нам делать, Карина? Ты позвала меня на обед, а я уже согласился.

– Я позвала?!

Он рассмеялся моей реакции:

– Прибереги экспрессию для более подходящих случаев. Вообще-то, в выходные я просто заказываю еду на дом.

Мне не понравилось, что он снова насмехается, потому буркнула под нос:

– А, ну замечательно. Хорошо, что хоть не прямо в ресторан идем, раз уж я пригласила.

И вернулась к своим занятиям, надо закончить с первым этажом до конца стирки. Но через некоторое время за спиной расслышала голос:

– Идея отличная, кстати. Правда, поехали в ресторан. Прямо сейчас, потом закончишь.

Растянула губы в фальшивой кривой улыбке и глянула на босса – пусть оценит, что все его подколки цели не достигают. Оттянула пальцем воротник его же футболки:

– С превеликим удовольствием, Александр Дмитриевич. У вас вечернего платья не завалялось? Одолжите?

– Ты не поняла, – он выглядел неожиданно серьезным. – Так и идем. В этом весь смысл. Тебе не интересно посмотреть на лица официантов?

Меня его тон смутил – если шутишь, так улыбнись или подмигни там, чтобы человек понимал. Но он шагнул ко мне и ухватил за локоть, подталкивая к выходу.

– Руки хоть дайте помыть! Нет, вы серьезно?

– Абсолютно!

– Нас просто не пропустят!

– День на дворе! Днем у них и так негусто с посетителями, вот и проведем эксперимент, что им важнее – наш прикид или прибыль.

– А что они должны выбрать? – я вырвалась из его захвата и подошла к раковине, чтобы ополоснуть руки. Шеф не отставал.

– Я бы выбрал прибыль.

– Да? – я хитро ухмыльнулась. – А у меня о вас немного другие сведения. Вы не всегда выбираете прибыль.

Он изогнул темную бровь:

– Справки обо мне навела? Лестно. Нет, между прикидом и прибылью я выберу прибыль. А вот между хорошим настроением и прибылью... ну, ты поняла. Что конкретно тебе обо мне наврали?

– Ничего особенного, – отрезала я, не желая раскрывать работающего на него Серёжку. – Итак, мы действительно едем в ресторан изображать бомжей или вы пошутили?

– Едем.

– Простите, но это какая-то дикость.

– Нет, Карина, это программа обучения для тех, кто зациклен на общественном мнении. На будущее очень пригодится.

– По-вашему, я в ней нуждаюсь?

Его улыбка и была ответом. Он просто вызывал во мне азарт – вроде как если откажусь, то заявлю этим, что струсил. А с какой радости мне трусить? Да, у него одежда хотя бы по размеру, а я выгляжу... вопиюще. И что с того? Насмешки незнакомых богачей действительно лучше научиться пропускать мимо. Хотя я и уловила отчетливую манипуляцию, но и срываться с крючка не стала. Это был именно мой выбор – в данный момент с крючка не срываться.

– Так и чего вы ждете? – вытерла руки полотенцем. – Машину из гаража выгоняйте.

Пока ехали, он улыбался каким-то своим мыслям, но меня не подначивал. Когда выехали на центральную улицу, мое сердце застучало быстрее – все же я немного переоценила свою храбрость. Но в голосе этой панике не позволила проявиться:

– Александр Дмитриевич, я правильно понимаю, что мы едем в самый респектабельный ресторан?

– Не в этот раз, – он смотрел только на дорогу, но выглядел притом очень расслабленным. Одна ладонь на руле, локоть другой упирается в боковую панель. – В самом престижном меня в лицо знают – даже не подумают с осуждением зыркнуть. Тогда весь смак теряется.

Я нервно хмыкнула. И, если честно, просто понадеялась, что нас не впустят. Пять минут позора, и я вернусь заканчивать с уборкой и стиркой. Однако отделаться малой кровью не удалось. Никто не догадался выставить фейсконтроль в столь раннее время. Александр Дмитриевич подставил мне локоть, за который я ухватилась, и преспокойно протащил меня внутрь. Официантка было дернулась, но он перебил ее возражения на корню:

– День добрый. Проводите к свободному столику, пожалуйста.

Прозвучало издевательством – во всем зале было занято всего три стола, помещение почти пустовало. Но официантка опешила и неопределенно махнула рукой. Александр Дмитриевич подчеркнуто галантно отодвинул передо мной стул, мне бы реверанс изобразить, чтобы добить картину, но сил для этого не нашлось. Меню оказалось на нашем столе через минуту, да еще и снабженное очень вежливым:

– Если вы впервые у нас, то обратите внимание на блюдо от шеф-повара. Диетическое меню располагается в конце.

Александр Дмитриевич спросил уже после того, как мы сделали заказ:

– Ну и как ты себя ощущаешь, Карина?

Я уже заметила негодующий взгляд от одной дамы, которая с другого конца зала нас пристально рассматривала, и понимающую улыбку ее спутника. Наверное, пожилой мужчина решил, что молодежь развлекается, а ему содержимое собственной тарелки интереснее. Официанты и бармен поглядывали на нас искоса, не прямо, и ничего активно между собой не обсуждали. Обсудят, когда мы уйдем.

– А никак, – я ответила честно, проанализировав свои эмоции. – Дело в том, что мы сыграли на эффекте неожиданности. После того как вошли, никто не захотел скандалить – портить аппетит другим посетителям. И есть еще важный аспект – дело далеко не только в одежде. По вам сразу видно, что вы в таких местах не теряетесь и являетесь постоянным посетителем. Даже если вас в лицо никто не вспомнил, то вы просто излучаете ауру «только попробуй мне тут вякнуть».

Он рассмеялся:

– Тогда смысл нашего урока в том, чтобы отрастить такую ауру.

– Зачем?

Тарелка с салатом оказалась передо мной, как и перед боссом, после чего официантка-невидимка снова растворилась в пространстве. Я повторила вопрос, поскольку он отвлекся на еду:

– Зачем, Александр Дмитриевич?

– У меня на тебя некоторые планы, считай это подготовительным этапом и заодно проверкой. Как космонавт перед первым полетом.

А вот это уже напрягло:

– Какие еще планы?

– Пока не определился, – он улыбался с неприкрытой иронией. – Но пока ты подаешь надежды, что станешь крутым космонавтом.

– Почему именно я? Или вы всех сотрудников на стрессоустойчивость проверяете? Что-то не представляю себе, чтобы вы Тимура так же выделяли!

– Потому что ты сама привлекла мое внимание одним спорным эпизодом. Уже забыла?

Я объяснения не поняла. Но смутилась от напоминания, потому тоже сосредоточилась на салате. Он осознанно делает вид, что в той ситуации я оказалась намеренно – типа махала руками перед его носом и кричала: «Посмотрите на меня, Сан Дмитрич! Я тоже работаю в этом доме, а не пустое место!» И он не хуже меня понимает, что все было не так, потому какой смысл возмущаться и уточнять?

Мраморная говядина от шеф-повара оказалась чем-то невыносимым. Я в жизни такой вкусотищи не пробовала. Про себя отметила, что только это стоило подобной вылазки и сопутствующих шоков. Вот только тишина за столом как-то угнетала, потому я ее нарушила тем, что пришло на ум:

– Оказывается, вы с братом очень похожи, Александр Дмитриевич. В первую нашу встречу с ним я удивлялась, как вы вообще можете быть родственниками, но сейчас вижу полное фамильное сходство: вы оба любите бесить окружающих.

– Неверно, – он ловко и привычно орудовал ножом и вилок. – Получай тогда и второй урок. Есть разница между тем, чтобы всех злить, как это делает Лёшка, и тем, чтобы не воспринимать чужих оценочных суждений. Понимаешь? В первом случае человек тоже следует правилам, которые сам себе устанавливает. Во втором – полная свобода действий.

– А, – догадалась я. – Это как шоу-звезды, которые выбирают стиль эпатажа? Они сами устанавливают себе правило всех раздражать. Точно такая же условность, как любая другая.

– Именно. Я же говорил, что из тебя выйдет прекрасный космонавт.

– Заладили – космонавт, космонавт, уроки какие-то, тренировки, пусть даже в чем-то вы и правы. А все равно неясно, что вам от меня надо.

Вздрогнула, когда заметила, как пристально он на меня смотрит, с прищуром.

– А у тебя никаких версий на этот счет нет? Почему я сейчас не двух послушных нижних трахаю, а сижу здесь с тобой?

И сказано так, что сразу все версии нарисовались в буйной фантазии. И я не выдержала, решила высказаться без обиняков:

– Если вы на что-то интимное намекаете, то я уже говорила – я замужем. И спать с вами не буду.

– Будешь, конечно. Но не сегодня.

– Что? – я задохнулась.

– Кстати, а ресторан-то неплох. Почему я раньше сюда не заходил? Может, десерт тоже закажем?

– Подождите, подождите! – хотелось потянуться, схватить его за плечо и потрясти. – Что вы до этого сказали?

– Когда именно? – в его черных глазах черти просто с ума сходили, но улыбка едва заметная. – А, понял, о чем ты. О твоих ощущениях по поводу нахождения здесь. Говоришь, вообще спокойно все воспринимаешь? Тогда усложняем задачу. Деньги-то я не взял, в домашних штанах же вышел. Так мы берем десерт?

Я поперхнулась. Очень повезло, что последний кусочек нежнейшего мяса я успела проглотить, иначе встал бы поперек горла. Спина заледенела. Я медленно перевела взгляд на дверь, потом на барную стойку, где застыли внимательные официанты. Они нас не прогнали, но наверняка смотрели на нас со скепсисом. И если мы сейчас сорвемся с места, то перехватят. Понятия не имею, чем закончится такая потасовка, но я пожалела, что вообще вылезла сегодня из постели.

– Выдыхай, Карина, – Александр Дмитриевич тихо смеялся. Дождался, пока я переведу заторможенный взгляд на него. Только потом положил кредитку на

стол. Ну что ж, я с облегчением задышала, вот только в ушах теперь неприятно стучало. – Я пошутил. Урок третий: твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода других. Если бы мы сейчас сбежали, не расплатившись, то огребли бы работники. А они хороши, не отреагировали на твой жуткий костюмчик, не показали непрофессионализма, они не должны отвечать за наши действия. Ты можешь делать что угодно, но только так, чтобы от этого не страдали другие.

Лёха-брат мне теперь казался предсказуемым, понятным и шелковым ангелочком! По сравнению с этим чудовищем. У меня голос немного сдал:

– Хватит с меня уроков на сегодня, Александр Дмитриевич. И работа ждет.

– Как скажешь, – он и не думал напрягаться из-за моего напряжения, а махнул официантке, чтобы принесла счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/seks-bez-pravil

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)